

Степени кандидата авторъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ“.

28) О сочиненіи студента Ивана Паславскаго на тему: „Петръ Хрисологъ, архіепископъ равеннскій и его проповѣди“.

а) Доцента Н. Мухина:

„Предметъ сочиненія обслѣдованъ авторомъ въ достаточной степени. Авторъ старательно изучилъ творения архіепископа равеннскаго Петра Хрисолога, тщательно проштудировалъ литературу своего предмета и добытый матеріалъ привелъ въ систему. При свѣтѣ данныхъ, заимствованныхъ изъ проповѣдей Хрисолога, авторъ, по силѣ возможности, освѣтилъ жизнь его и съ безпристрастіемъ объективнаго изслѣдователя оцѣнилъ проповѣдническую дѣятельность его: авторъ отмѣчаетъ достоинства проповѣдническаго слова равеннскаго святителя, *не закрываетъ также своихъ глазъ и на недостатки его*. Правда, мысль автора не глубокая и медленная въ своемъ движеніи, но зато спокойная, послѣдовательная въ своемъ развитіи, хотя къ сожалѣнію, по мѣстамъ (ср. стр. 14 и 47) не свободная отъ противорѣчій. Языкъ сочиненія носитъ на себѣ отпечатокъ нѣкоторой двойственности—въ большинствѣ случаевъ онъ отличается чистотою, правильностію, а мѣстами онъ отражаетъ на себя тяжеловѣсность конструкціи рѣчи источниковъ и пособій, съ которыми имѣлъ дѣло авторъ (ср. стр. 38, 39, 41, 106 и др.).

Какъ кандидатская диссертация, сочиненіе г. Паславскаго, на нашъ взглядъ, можетъ быть признано удовлетворительнымъ“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвnickаго:

„Авторъ усердно занимался своимъ предметомъ, хорошо изучилъ всѣ проповѣди Хрисолога, прочиталъ всѣ, доступныя Журналы.

ему сочиненія, въ которыхъ могъ найти свѣдѣнія и сужденія о проповѣдникѣ и его твореніяхъ, и, на основаніи ихъ, представилъ довольно обстоятельное изслѣдованіе о своемъ предметѣ.

Сочиненіе раздѣляется на двѣ, неравныя по объему, части, которымъ предпослано введеніе, гдѣ авторъ представилъ краткую характеристику латинской проповѣди V и VI вѣка (написанную не очень искусно), и указалъ пособія, какія были у него подъ рукою.

Въ первой части представлена біографія Петра Хрисолога. Источники, какими онъ пользовался, сообщили ему довольно скудныя біографическія свѣдѣнія о Хрисологѣ. Но онъ въ своемъ изслѣдованіи помѣстилъ все, что могъ найти въ нихъ, даже легендарныя сказанія, неимѣющія исторической достовѣрности.

Главная часть у него вторая, которая раздѣлена на четыре главы.

Въ первой главѣ авторъ говоритъ о числѣ проповѣдей Хрисолога и ихъ изданіяхъ и на основаніи указаній своихъ руководителей довольно подробно перечисляетъ тѣ проповѣди, какія нужно считать не подлинными.

Вторую главу авторъ посвящаетъ разбору проповѣдей нравоучительныхъ, которыя составляютъ преобладающій рядъ твореній Хрисолога. Характеризуя эти проповѣди, онъ говоритъ, что всѣ онѣ болѣе или менѣе общаго характера и мало имѣютъ отношенія къ современности. Указавши главное направленіе проповѣдника, устремляющаго вниманіе своихъ слушателей отъ земнаго къ небесному, отъ тлѣннаго къ вѣчному, онъ потомъ раскрываетъ частныя мысли съ большею настойчивостію повторяемыя Хрисологомъ, при чемъ представляетъ, что изъ добродѣтелей онъ чаще всего говоритъ о милосердіи, постѣ и молитвѣ.

Въ третьей главѣ говорится о догматическихъ проповѣдяхъ Хрисолога. Авторъ говоритъ, что догматическихъ проповѣдей у Хрисолога немного, и послѣ этого замѣчанія перечи-

сляетъ тѣ пункты догматическаго ученія, какіе подвергались разъясненію въ проповѣдяхъ Хрисолога, и приводитъ при этомъ на каждый пунктъ подлинныя слова Хрисолога.

Въ послѣдующей четвертой главѣ авторъ говоритъ о виѣшней формѣ проповѣдей Хрисолога и указываетъ особенности его изложенія.

Въ сочиненіи мало самостоятельныхъ сужденій автора, и гдѣ онъ высказываетъ ихъ, такъ не обнаруживаетъ особенной силы мысли. Но задача, предстоявшая ему, выполнена съ усердіемъ, и изслѣдованіе его отличается достаточною полнотою. Для степени кандидата сочиненіе признаю удовлетворительнымъ^а.

29) О сочиненіи студента Алексѣя *Поповича* на тему: „Новозавѣтное ученіе объ ангелахъ“.

а) Доцента С. Песоцкаго:

„Во введеніи къ своему сочиненію (стр. 1—22) г. Поповичъ указываетъ на важность предмета своего изслѣдованія, какъ существеннаго пункта въ дѣлѣ уясненія новозавѣтнаго откровенія, говоритъ о связи христіанской ангелологіи съ сотеріологіей, отмѣчаетъ и разбираетъ различные взгляды на ученіе объ ангелахъ представителей западнаго раціоналистическаго богословія, начертываетъ задачу и планъ своего изслѣдованія, перечисляетъ пособія для него. Самое свое изслѣдованіе объ ангелахъ авторъ дѣлитъ на три главы. Въ первой главѣ (стр. 23—136) авторъ рѣшаетъ изъ области ангелологіи вопросы такъ сказать онтологическаго характера: онъ даетъ понятіе объ ангелахъ, говоритъ о твореніи ихъ Богомъ, о промышленіи Божиѣмъ о нихъ, о раздѣленіи міра ангельскаго на два царства—добрыхъ духовъ и злыхъ, о природѣ и свойствахъ ангеловъ добрыхъ и злыхъ, о числѣ и іерархическихъ степеняхъ ангеловъ добрыхъ, объ ихъ индивидуальныхъ именахъ, о числѣ и степеняхъ злыхъ

ангеловъ. Во второй главѣ (стр. 137—195) говорится о назначеніи и дѣятельности ангеловъ,—въ частности о дѣятельности добрыхъ ангеловъ, ихъ участіи въ дарованіи синайскаго законодательства, ихъ служеніи Іисусу Христу, ихъ покровительственномъ отношеніи къ апостоламъ, христіанской церкви и даже къ отдѣльнымъ членамъ этой церкви, а затѣмъ о дѣятельности въ мірѣ злыхъ ангеловъ. Въ третьей главѣ (стр. 196—214) идетъ рѣчь объ особенной дѣятельности добрыхъ ангеловъ при кончинѣ видимаго міра и объ имѣющемъ быть судѣ надъ царствомъ злыхъ духовъ.

Изъ этого перечня основныхъ пунктовъ сочиненія можно видѣть, что авторъ даетъ вообще основательное изслѣдованіе по новозавѣтной ангелологіи, отличающееся и естественностію и широтою плана. По поводу расположенія частныхъ вопросовъ въ сочиненіи можно бы сдѣлать замѣчаніе только относительно первой главы, въ которой логичнѣе было бы произвести нѣкоторыя перестановки. Что касается самого изслѣдованія авторомъ предмета своего сочиненія и всѣхъ частныхъ пунктовъ, входящихъ въ составъ его, то это изслѣдованіе нельзя не отмѣтить, какъ отличающееся вообще большою обстоятельностью: смотря на свое сочиненіе, какъ на работу экзегетическую, авторъ много прилагаетъ труда и умѣнья къ истолкованію потребныхъ ему мѣстъ новозавѣтныхъ писаній, пользуясь при этомъ толкованіями святоотеческими и трудами новѣйшихъ ученыхъ русскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ; толкованіе свое авторъ сопровождаетъ и критикой несогласныхъ съ нимъ воззрѣній. Похвальное качество работы автора составляетъ осторожность, какую онъ проявляетъ при своихъ экзегетическихъ опытахъ. Нельзя однако не сдѣлать существеннаго замѣчанія автору: придавая ангелологіи значеніе въ новозавѣтномъ откровеніи постольку, поскольку она связана съ сотеріологіей, авторъ долженъ былъ центръ своей работы видѣть во второй и, пожалуй, въ третьей главахъ своего сочи-

ненія и на разработку этихъ именно главъ долженъ былъ обратить преимущественное вниманіе; а между тѣмъ именно эти (вторая и третья) главы по внутреннему достоинству своему значительно уступаютъ первой главѣ и носятъ на себѣ характеръ скорѣе догматическій, чѣмъ экзегетическій; какихъ-либо объясненій этого обстоятельства въ сочиненіи не имѣется,—и основной принципъ, указаніемъ на который авторъ и начинаетъ свое сочиненіе, на которомъ (принципѣ) онъ настаиваетъ и впоследствии, остается такимъ образомъ мало оправдываемымъ на дѣлѣ. Въ изложеніи встрѣчаются неудачныя выраженія; попадаютъ и грамматическія ошибки. Но въ общемъ трудъ г. Поповича представляетъ собою работу серьезную и долженъ быть отнесенъ къ разряду очень хорошихъ кандидатскихъ диссертаций“.

б) Экстраординарнаго профессора Д. Богдашевского:

„Сочиненіе студента Поповича кромѣ введенія, гдѣ выясняется тѣснѣйшая связь ангелологии съ сотеріологією и указываются важнѣйшія пособія по изслѣдуемому вопросу, состоятъ изъ трехъ главъ. Въ первой главѣ дается понятіе объ ангелахъ, говорится о твореніи ангеловъ Богомъ и происшествіи Его о нихъ, о раздѣленіи ангельскаго міра, о природѣ, о свойствахъ ангеловъ, о числѣ ангеловъ, о небесной іерархіи объ индивидуальныхъ именахъ ангеловъ и о царствѣ злыхъ ангеловъ. Въ второй главѣ трактуется о дѣятельности ангеловъ,—сначала ангеловъ добрыхъ, какъ ихъ дѣятельность выразилась въ участіи въ дарованіи синайскаго законодательства, въ отношеніи къ Іисусу Христу и въ покровительствѣ церкви земной, а затѣмъ—о дѣятельности ангеловъ злыхъ.

Третья глава имѣетъ своимъ предметомъ дѣятельность добрыхъ ангеловъ при кончинѣ міра, судѣ надъ діаволомъ и его ангелами.

Сочиненіе студента Поповича въ достаточной степени исчерпываетъ свой предметъ, хотя и раскрываетъ его иногда слишкомъ кратко, какъ бы конспективно. Видно, что авторъ не имѣлъ времени воспользоваться всеми тѣми пособіями, которыя онъ перечисляетъ во введеніи къ своей работѣ. Сочиненіе часто имѣетъ чисто догматическій характеръ тамъ, гдѣ требовался строго научный экзегесисъ. Попытки такого экзегесиса въ работѣ, впрочемъ, находятся. Что заслуживаетъ полной похвалы въ рассматриваемомъ сочиненіи, это его необыкновенная ясность, отчетливость, строгая логичность, удачное суммирование относящихся къ предмету мѣстъ Священнаго Писанія, точное сохраненіе вездѣ православной точки зрѣнія. По этимъ качествамъ работа студента Поповича могла бы быть даже напечатана въ студенческомъ Сборникѣ. Полагаемъ, что этотъ догматическій, иногда догматико-критическій трактатъ не былъ бы бесполезенъ въ нашей бѣдной подобными работами литературѣ“.

30) О сочиненіи студента Николая *Поройкова* на тему: Октоихъ Іоанна Дамаскина, какъ опытъ православной церковной догматики“.

б) Доцента. Н. Мухина:

„На вопросъ, предложенной темою, авторъ даетъ обстоятельный отвѣтъ. Предметъ сочиненія обследовалъ имъ съ достаточной полнотой. Авторъ выяснилъ значеніе богослужбныхъ книгъ Православной церкви, въ частности октоиха Іоанна Дамаскина, въ православной догматикѣ (введеніе), опредѣлилъ первоначальный составъ этого октоиха (I глава) и въ довольно стройной системѣ изложилъ догматическое ученіе этой богослужбной книги, поскольку она принадлежитъ Іоанну Дамаскину (II глава). Мысль автора зрѣлая, основательная, послѣдовательная въ своемъ развитіи. Правда, въ сочиненіи

встрѣчается нѣсколько неправильныхъ сужденій (стр. 186, 195), но это простой недосмотръ со стороны автора. Трудъ автора не облегчался наличностію богатой литературы по предмету изслѣдованія: автору приходилось пролагать самостоятельные пути изслѣдованія. Онъ добросовѣстно изучилъ догматическій матеріалъ, заключающійся въ октоихъ іоанна Дамаскина, и удачно его систематизировалъ. Языкъ сочиненія чистый, правильный. Какъ кандидатская работа, сочиненіе г. Поройкова вполне удовлетворительно“.

б) Ординарнаго профессора А. Дмитріевскаго:

„Сочиненіе состоитъ: 1) изъ предисловія, въ которомъ г. Поройковъ опредѣляетъ задачу изслѣдованія, планъ его и трудности, вытекающія изъ отсутствія пособій по предмету избранной имъ темы и въ силу краткости изложенія догматическаго ученія св. отца въ сто Октоихъ и крайней темноты перевода этой книги на славянскій языкъ; 2) изъ обширнаго введенія, не имѣющаго прямого отношенія къ дѣлу и повторяющаго избитую мысль относительно того, что богослужебныя книги и въ частности Октоихъ имѣютъ важное значеніе для православной церковной догматики, и 3) изъ двухъ главъ изслѣдованія.

Первая глава—не самостоятельна и составлена главнымъ образомъ по устарѣвшей нынѣ диссертациі арх. Модеста „О церковномъ Октоихѣ“ (Вильна, 1865) съ присоединеніемъ тѣхъ свѣдѣній, какія удалось почерпнуть г. Поройкову изъ книги Льва Алліція: „De libris ecclesiae Graeciae“. Въ силу этого не вездѣ и не всегда удается нашему автору удовлетворительно разрѣшить всѣ вопросы объ авторахъ, произведенія которыхъ входятъ въ составъ нашего современнаго Октоиха. Настоячиво приводимое имъ мнѣніе относительно стихиръ на „Господи воззвахъ“, называемыхъ „восточными“, что онѣ принадлежатъ не патріарху константинопольскому VI в. Ана-

толію, а иноку Студійской обители IX в. того же имени (стр. 53—59), едва-ли можно считать доказаннымъ и не вызывающимъ возраженій. Едва-ли также можно признать убѣдительными вполне и заключенія его относительно подлинности всѣхъ произведеній, которыя по мнѣнію г. Поройкова, безспорно принадлежать въ Октоихѣ св. Іоанна Дамаскину. „Павязывавшаяся“, какъ выражается онъ, мысль сравнить пѣснопѣнія Октояха съ нѣкоторыми страницами „Точнаго изложенія православной вѣры“ того же св. отца и оставленная теперь авторомъ безъ выполненія, по нашему личному убѣжденію, была бы не излишнею въ сочиненіи и привела бы автора къ рѣшенію поставленныхъ имъ вопросовъ въ самомъ благоприятномъ и желательномъ для него смыслѣ.

Послѣдняя—вторая глава сочиненія вполне оригинальна. Въ ней авторъ, на основаніи твореній, усвояемыхъ имъ св. Іоанну Дамаскину, излагаетъ догматическое ученіе сего отца о Богѣ единомъ по существу, но триничномъ въ лицахъ, о Христѣ, Сынѣ Божіемъ, воплотившемся насъ ради отъ пр. Дѣвы Маріи, о двухъ Его естествахъ въ единой ипостаси и о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, какъ Богоматери и ея божественномъ величіи. При изложеніи этого ученія, г. Поройковъ не рѣдко дѣлаетъ экскурсы филологическаго характера, съ тою цѣлью, чтобы выразить яснѣе мысль изучаемаго имъ св. отца затемненную или плохимъ переводомъ, или неправильною разстановкою знаковъ препинанія.

Въ этой послѣдней главѣ можно съ достаточною опредѣленностію судить, что г. Поройковъ обнаруживаетъ способность къ глубокой вдумчивой мысли, къ синтезу и къ стройному изложенію своихъ мыслей. Въ виду этого, не смотря на незаконченность работы, на указанные недостатки и по мѣстамъ на нѣкоторую шереховатость въ изложеніи, я признаю настоящее сочиненіе хорошею кандидатскою диссертациею“.

31) О сочиненіи студента Александра *Проскурякова* на тему: „Отношеніе правительства къ расколу въ царствованіе императора Николая I-го“.

а) И. д. доцента *Θ. Мищенко*:

„На эту тему не такъ давно (въ 1901 г.) писалось уже кандидатское сочиненіе; работа г. *Проскурякова* очень напоминаетъ работу его предшественника. Впрочемъ, объяснить это сходство надо не тѣмъ, что г. *Проскуряковъ* воспользовался предшествовавшей студенческой работы, но тѣмъ, что оба автора студента зависѣли отъ однихъ и тѣхъ литературныхъ пособій. Вопросъ объ отношеніи правительства къ расколу въ царствованіе императора Николая I-го имѣетъ довольно обширную литературу, и оба автора дальше компіляціи не пошли.

Самъ г. *Проскуряковъ* во введеніи высказываетъ крайне пессимистическій взглядъ на свое собственное сочиненіе: онъ называетъ его трудомъ, „почти исключительно компілятивнымъ“, „крайне несовершеннымъ, далеко не полнымъ“ (стр. 9, 11), написаннымъ безъ вдумчиваго и критическаго отношенія къ явленіямъ данной эпохи (стр. 12). Хотя подобная самооцѣнка и страдаетъ преувеличеніями, но все же пужно признать, что сочиненіе дѣйствительно не чуждо недостатковъ.

Въ первой главѣ авторъ даетъ краткій очеркъ правительственныхъ отношеній къ расколу за все предшествовавшее время съ Алексѣя Михайловича до Николаевской эпохи. Авторъ сознаетъ, что этого времени ему надо касаться лишь постольку, поскольку въ немъ онъ можетъ находить данныя для выясненія Николаевскихъ мѣропріятій; но при самомъ изложеніи фактовъ, онъ упускаетъ изъ виду эту точку зрѣнія и часто впадаетъ въ тонъ объективнаго повѣствованія. Впрочемъ, очеркъ изложенъ коротко и сжато.

Во второй главѣ авторъ выясняетъ принципиальный взглядъ Николаевского правительства на расколъ, характеризуя его главнымъ образомъ по воззрѣнiямъ митрополита Филарета и отчасти императора Николая Павловича. Первая и вторая главы составлены главнымъ образомъ на основанiи чужихъ ученыхъ изслѣдованiй.

Болѣе самостоятельна III, основная глава сочиненiя, гдѣ обозрѣваются самая мѣропрiятiя Николаевского правительства противъ раскола. Здѣсь авторъ имѣлъ подъ руками не только ученые пособiя, но и источники, въ видѣ разнаго рода собранiй постановленiй и распоряженiй о расколѣ.

Планъ этой главы составленъ довольно последовательно, и распоряженiя по рубрикамъ распределены удачно; но авторъ и здѣсь остался больше повѣствователемъ, чѣмъ изслѣдователемъ: рубрики его болѣею частiю представляютъ сухой перечень фактовъ и распоряженiй, а не живое изображенiе историческаго прошлаго, озаренное историко-критической мыслью.

Стиль сочиненiя легкiй.

Для степени кандидата сочиниe удовлетворительно“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева:

„Разсматриваемое сочиненiе состоитъ изъ 3-хъ главъ.

Въ первой изъ нихъ кратко говорится о правительственныхъ отношенiяхъ къ расколу въ предшествовавшiя Николаевскому времени царствованiя.

Въ второй главѣ выясняется принципиальный взглядъ Николаевского правительства на расколъ, его сущность и значенiе въ церковно-государственной жизни нашего отечества. *Выразителемъ правительственныхъ воззрѣнiй на расколъ въ данное время былъ, какъ извѣстно, московскiй митрополитъ Филаретъ.* Не было почти ни одного оффицiальнаго дѣла по расколу, которое не проходило бы чрезъ руки сего знаменитаго

іерарха и не сопровождалось его авторитетнымъ мнѣніемъ. Взглядъ митрополита Филарета на расколъ былъ ясный, опредѣленный и строго-последовательный. По его мнѣнію расколъ весьма вреденъ и для церкви и для государства. Онъ есть „зло, застарѣлая болѣзнь“, „ужасная непрестанно распространяющаяся язва, требующая немедленнаго и притомъ самаго рѣшительнаго врачеванія“. Такого взгляда на расколъ, не безъ вліянія митрополита Филарета держался и самъ государь. Взглядъ этотъ и былъ краеугольнымъ камнемъ для той системы правительственныхъ отношеній къ расколу, которая извѣстна въ исторіи подъ именемъ Николаевской.

Третья, самая обширная глава посвящена изложенію мѣропріятій правительства въ видахъ болѣе успѣшной борьбы съ расколомъ. Правительство прежде всего заботилось о болѣе близкомъ ознакомленіи съ расколомъ, такъ какъ до того времени оно пахотилось почти въ совершенномъ неувѣдѣніи не только объ ученіи и бытѣ раскольниковъ, но даже о численности ихъ. Это ознакомленіе, при односторонней и далеко не вѣрной окраскѣ добываемыхъ свѣдѣній, приводило правительственную власть къ мысли о необходимости усиленія судебно-административнаго полицейскаго надзора за раскольниками. Сказавъ обо всемъ этомъ, авторъ трактуетъ далѣе объ отношеніяхъ правительства къ гражданской сторонѣ жизни раскола, выразившихся въ ограниченіи общественныхъ, личныхъ и семейныхъ правъ раскольниковъ, а затѣмъ объ отношеніяхъ къ религіозной сторонѣ ихъ жизни, при чемъ останавливаетъ свое вниманіе на слѣдующихъ вопросахъ: 1) отправленіе раскольническихъ богослуженій, 2) о раскольническихъ молитвенныхъ зданіяхъ, 3) о раскольническихъ скитахъ и монастыряхъ и 4) о видахъ совершаемыхъ у раскольниковъ духовныхъ требъ.—Затѣмъ идутъ рѣчи о заботахъ правительства остановить разнообразными мѣрами дальнѣйшій ростъ и развитіе раскола.—Сочиненіе заканчивается

краткимъ замѣчаніемъ объ отношеніи правительства къ едино-
вѣрію.

Общій выводъ, къ которому пришелъ авторъ, таковъ: борьба съ расколомъ въ царствованіе императора Николая I (что должно сказать и о предшествовавшемъ времени) была безъ результатна. Расколъ не ослабѣвалъ. — Поставивъ вопросъ, чѣмъ объяснить это явленіе, авторъ отвѣчаетъ: „Ясно, что или борьба велась (и ведется) не такъ, какъ бы слѣдовало, неумѣло, непрактично, или силы, противъ которыхъ велась борьба, не побѣдимы въ самой своей идеѣ, или же наконецъ не слѣдовало бы вовсе вступать въ борьбу съ такими явленіями жизни, которыя въ этой самой борьбѣ не только почерпаютъ свою силу, но что всего важнѣе — становятся идеей, приобрѣтаютъ живучесть, которая въ расколѣ не должна бы и существовать столь долго и послѣдовательно. Трудно сказать, — говоритъ авторъ, — какое изъ этихъ трехъ предположеній имѣть неоспоримую историческую цѣну; но событія послѣднихъ дней: — объявленіе свободы вѣроисповѣданія, распечатанія раскольниковскихъ часовенъ и молитвенныхъ домовъ, возвращеніе изъ ссылки и полное прощеніе преступниковъ, сосланныхъ и заключенныхъ за преступленія противъ вѣры, — показали, что едва-ли не болѣе основательны изъ нихъ первое и послѣднее“.

Авторъ не высокаго мнѣнія о своемъ сочиненіи. Въ предисловіи онъ называетъ свой трудъ во многихъ частяхъ компилятивнымъ, далеко не полнымъ, не вполне законченнымъ, вообще „крайне несовершеннымъ“. Но авторъ слишкомъ уже сгущаетъ мрачныя краски. Правда, трудъ его не безъ дефектовъ; но во всякомъ случаѣ это трудъ добросовѣстный, обнаруживающій въ авторѣ и достаточно свѣдѣніи по предмету изслѣдованія и умѣнье пользоваться ими. Изложеніе литературное. Для степени кандидата сочиненіе признаю удовлетворительнымъ“.

32) О сочиненіи студента Николая Пузанова на тему:
„Взаимоотношеніе началъ—личности и общества въ религіозно-теократическомъ, семейно-бытовомъ и общественно-государственномъ строѣ древне-еврейской жизни.“

а) Доктора, священника А. Глаголева:

„Уяснить взаимоотношеніе личности и общества во всѣхъ сторонахъ жизни еврейскаго народа,—справедливо говоритъ авторъ о предметѣ своего сочиненія,—значить уяснить внутреннюю, идейную сторону еврейской исторіи, самый смыслъ исторіи еврейскаго народа.“ Это потому, что какъ религія библейскаго Израйля съ ея ученіемъ о человѣкѣ, какъ богоподобной нравственной личности, такъ и естественный характеръ народа, одною изъ существенныхъ чертъ котораго является рѣзкое обособленіе отдѣльной личности, одинаково благоприятствовали свободному развитію личности и широкому вліянію ея на всѣ стороны жизни: религіозную, семейную и общественно-государственную. Если однако „общество“ было основнымъ опредѣленіемъ жизни древнихъ евреевъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ и во всѣ поры ихъ ветхозавѣтной исторіи—въ формѣ ли церкви—въ религіозной жизни, въ формѣ ли семьи или наконецъ государства, то обзорѣніе взаимоотношенія двухъ факторовъ жизни, личности и общества дѣйствительно должно продлить не малый свѣтъ на важнѣйшую интереснѣйшую и загадочную исторію библейскаго Израйля. Такое обзорѣніе исторіи и жизни Израйля подъ указаннымъ угломъ зрѣнія и предлагаетъ нашъ авторъ, располагая весь матеріалъ сочиненія по тремъ, намѣченнымъ въ темѣ рубрикамъ, или главамъ. Методъ автора въ каждомъ случаѣ историческій: онъ обзорѣваетъ явленія религіозной, семейной и общественно-государственной жизни, начиная съ древнѣйшихъ-патріархальныхъ временъ, переходя затѣмъ къ подзаконному періоду, выдѣляя въ немъ періодъ пророковъ, и оканчивая послѣдними

временами ветхозавѣтной теократіи. Методъ этотъ воплѣтъ отвѣчаетъ существу дѣла: какъ и всѣ явленія жизни, такъ въ частности, и положеніе и взаимоотношеніе личнаго и общественнаго начала въ древнееврейской жизни, будучи санкціонировано положительнымъ, богооткровеннымъ закономъ, подвергалось, однако, нѣкоторымъ измѣненіямъ или развитію. Схему этого развитія въ религіозномъ отношеніи авторъ удачно формулируетъ такъ: „въ началѣ пдзаконнаго періода... на первомъ планѣ стоитъ общество, личность цѣну имѣетъ отъ принадлежности къ обществу, она свята, потому что святъ народъ, общество; послѣднее есть освящающій центръ, первая — освящаемая периферія. Однако, и въ это время значеніе субъективной стороны отсюда не игнорируется (послѣднее подтверждается у автора ссылкой на Втор. XXX, 6. 10. 14)... Затѣмъ до конца пророческой эпохи постепенно происходятъ параллельные процессы, благодаря которымъ роли личности и общества совершенно мѣняются: въ пророческую эпоху на первомъ планѣ стоитъ уже личность, теперь *не она получаетъ святость отъ принадлежности къ обществу, а наоборотъ общество должно освятиться и обновиться черезъ личность*¹⁾. Первый изъ этихъ процессовъ — это постепенное выдѣленіе изъ всего общества Израилева, какъ одной большой религіозной единицы, болѣе мелкихъ религіозныхъ единицъ, т. е. небольшихъ религіозныхъ общинъ (общества праведныхъ, благочестивыхъ, боящихся Бога и борьба ихъ съ обществами нечестивыхъ)... Другой процессъ — это постепенное большое, съ дальнѣйшимъ теченіемъ израильской исторіи,

¹⁾ Курсивомъ отмѣченная нами мысль автора, безъ сомнѣнія, можетъ быть справедлива лишь въ отношеніи личности пророковъ и вообще лицъ боговдохновенныхъ, но не применима въ отношеніи рядовыхъ личностей, людей обыкновенныхъ, слѣдуетъ вообще имѣть въ виду, что идея церкви, общества, все-же доминировала и въ Ветхомъ Завѣтѣ; даже необходима и въ Новомъ Завѣтѣ.

обращеніе вниманія на внутреннюю субъективную сторону въ ущербъ (?) ви́шней формальной (стр. 128—130). Установкою этихъ положеній вошедшихъ уже теперь въ научное сознаніе новѣйшихъ библейстовъ авторъ обязанъ въ значительной степени знакомству своему съ литературою о такъ называемомъ молящемся „я“ псалмовъ, изслѣдованію по этому вопросу у автора посвящено нѣсколько десятковъ страницъ (стр. 79—125). Изслѣдованіе это по самому существу предмета не чуждо по мѣстамъ предположительности рѣшеній: гипотетичность въ рѣшеніи вопроса о томъ, индивидуальный или коллективный характеръ имѣетъ тотъ или иной псаломъ, неизбежна. Однако обходить этотъ вопросъ авторъ, конечно, не имѣлъ возможности, разъ хотѣлъ стоять въ своей работѣ на современномъ уровнѣ научныхъ свѣдѣній о предметѣ.

Въ цѣломъ сочиненіи студента Пуганова—трудъ серьезный и цѣнный. При этомъ симпатичную черту его составляетъ ясное, общепонятное изложеніе.

Относясь въ настоящемъ видѣ своемъ къ роду весьма хорошихъ кандидатскихъ диссертаций, сочиненіе студента Пузанова, по нашему убѣжденію, можетъ и должно имѣть, кромѣ того, почетную будущность“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора О. Покровскаго:

„Согласно съ темою, авторъ слѣдитъ въ своемъ сочиненіи за взаимоотношеніемъ началъ личности и общества въ религиозно-теократическомъ (гл. I), семейно-бытовомъ (гл. II) и общественно-государственномъ (гл. III) строѣ древне-еврейской жизни. Послѣдняя цѣль автора доказать, что отдѣльная личность человѣка имѣла въ древне-еврейской исторіи самостоятельное значеніе. Поэтому ходъ мыслей въ изслѣдованіи такой: личность зависитъ отъ общества, но въ то же время

имѣть и самостоятельное значеніе и даже вліять на общество. Взаимоотношеніе общества и личности въ указанныхъ отношеніяхъ изслѣдуется на пространствѣ всей древне-еврейской (ветхозавѣтной) исторіи и именно сначала въ патріархальный періодъ, а потомъ въ подзаконный. При этомъ авторъ показываетъ, что въ теченіе того и другого періода происходило нѣкоторое развитіе во взаимоотношеніи общества и личности, и именно большее возвышеніе значенія отдѣльной личности. Съ большою подробностью и обстоятельностью изслѣдуется взаимоотношеніе личности и общества въ религіозно-теократическомъ отношеніи. Здѣсь патріархальный, періодъ выдѣляется прямо въ особую часть главы; къ трактату о подзаконномъ періодѣ присоединяется обстоятельный и довольно большой трактатъ о молящемся „я“ въ псалмахъ, въ которомъ (трактатѣ) авторъ путемъ анализа псалмовъ доказываетъ, что это „я“ не коллективное только, но и личное, отдѣльное, что, слѣдовательно, у древнихъ евреевъ возможно было и личное отношеніе къ Богу. Въ заключеніе сочиненія авторъ указываетъ 1) исходъ древне-еврейской исторіи—высокое значеніе отдѣльной личности и паденіе національной теократіи, что составляетъ переходъ къ христіанству и 2) высокое значеніе исторіи еврейскаго народа среди исторій другихъ древнихъ народовъ и съ точки зрѣнія современныхъ началъ жизни.

Сочиненіе г. Пузанова идейное сочиненіе и свидѣтельствуетъ о философско-историческомъ направленіи его мысли, недовольствуемъ фактическимъ изложеніемъ исторіи, а стремящемся проникнуть въ смыслъ историческихъ событій, понять ихъ внутреннюю суть; говоритъ оно и о строго логическомъ систематическомъ мышленіи: намѣченный планъ авторъ точно проводитъ во всемъ сочиненіи. Видно также хорошее изученіе авторомъ источника и пособій, хотя послѣднихъ, прямо относящихся къ его темѣ, у него почти не было;

такъ какъ истинный авторъ не могъ въ этомъ отношеніи

работа надъ псалмами. Языкъ сочиненія правильный. Что касается содержанія сочиненія, то утверждаемое авторомъ взаимоотношеніе общества и личности въ общемъ правильно. Можно указать только нѣкоторое преувеличеніе личнаго значенія представителей общественнаго начала—первосвященника и священниковъ, отчасти и патріарховъ. Едва-ли вѣрно въ такой общности и то, что говоритъ авторъ: „если народу кажется справедливымъ то, что дѣлаетъ царь, значить, послѣдній поступаетъ по волѣ Божіей“.

Несмотря на эти и нѣкоторыя другія, скорѣе не точности, чѣмъ ошибки, сочиненіе г. Пузанова, по моему мнѣнію, весьма хорошее“.

33) О сочиненіи студента Николая *Пустошнова* на тему: „Старчество въ исторіи православнаго монашества и по ученію христіанскихъ аскетовъ“.

а) Доцента В. Экземплярскаго:

„Сочиненіе г. Пустошнова состоитъ изъ трехъ главъ, обнимающихъ исторію старчества съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Въ главѣ первой авторъ говоритъ о старцествѣ въ Египетскихъ монастыряхъ; во второй главѣ—о старцествѣ въ палестинскихъ Лаврахъ и на Афонѣ; въ послѣдней главѣ о старцествѣ въ жизни русскаго монастыря. Работа автора значительно облегчалась тѣмъ, что по исторіи древняго монашества у насъ имѣется довольно богатая литература, а святоотеческія творенія и древніе иноческіе уставы большею частію переведены на русскій языкъ. По при всемъ этомъ отъ г. Пустошнова потребовался большой трудъ для одного только ознакомленія съ интересовавшей его многотомной литературой, и, въ общемъ, онъ не побоялся труда и достаточно ознакомился съ предметомъ своего изслѣдованія.

Журналы.

Въ его сочиненіи избранъ богатый и интересный матеріалъ, относящійся ко всей исторіи православнаго монашества. Правда, изслѣдованію г. Пустошнова не достаётъ полноты, и имъ оставлены безъ вниманія цѣлыя историческія эпохи; но и требовать этого нельзя ввиду краткости времени, имѣвагося въ распоряженіи автора, и чрезвычайнаго обилія матеріала, требующаго разработки. Главнѣйшіе же моменты въ исторіи старчества имъ отмѣчены достаточно полно и обстоятельно. Авторъ находитъ слѣды несомнѣннаго существованія старчества въ самое первое время появленія въ жизни церкви организованнаго монашества и старается доказать, что, появившись вмѣстѣ съ монашествомъ, старчество существовало во всѣ періоды исторіи послѣдняго. Вообще г. Пустошновъ поработалъ довольно и съ положительными результатами. Его сочиненіе читается легко и съ интересомъ, обнимаетъ громадный періодъ времени и даётъ такъ много по исторіи старчества, что безъ сомнѣнія должно быть признано работой содержательной. Не лишено, впрочемъ, это сочиненіе и существенныхъ недочетовъ. Главнымъ изъ нихъ, по моему мнѣнію, является недостатокъ отчетливости въ обрисовкѣ и характеристикѣ авторомъ старчества. Послѣднее разматривается имъ не только въ связи съ общимъ строемъ монашеской жизни, но не рѣдко и нераздѣльно съ нимъ, когда старчество выступаетъ только какъ подвигъ общемонашескаго руководства и послушанія. Благодаря этому, въ сочиненіи г. Пустошнова есть довольно много лишняго, касающагося вообще порядковъ древно-монашеской жизни, а характеристикѣ старчества не достаётъ строгой опредѣленности, какъ бы рельефности. Подобное же можно сказать и относительно нѣкоторыхъ выдержекъ изъ старческихъ наставленій, приводимыхъ авторомъ: и здѣсь есть кое-что лишнее, а кое-что существенное опущено. Я не хочу ставить, впрочемъ, этотъ недостатокъ въ большую вину автору: на первыхъ шагахъ своей ученой работы онъ легко могъ нѣсколько растеряться

въ громадномъ матеріалѣ и не сумѣть достаточно проника-
тельно отдѣлить существенное и характерное отъ второ-
степеннаго и общемонашескаго.

Какъ сочиненіе на степень кандидата богословія трудъ
г. Пустошнова можетъ быть признанъ болѣе чѣмъ удовлетвори-
тельнымъ“.

б) Ординарнаго профессора Н. Дроздова:

„Авторъ даетъ довольно широкую постановку темѣ. За-
дачами для своего труда онъ ставитъ 1) „опредѣлить начало
этого вида монашескаго устроенія“, т. е. старчества, 2) „про-
слѣдить исторически распространеніе его изъ его родины
по всему христіанскому православному міру, а главное, 3)
раскрыть съ религіозно-психологической точки зрѣнія ученіе св.
отцевъ аскетовъ, древнихъ учителей подвижничества и рус-
скихъ и другихъ аскетическихъ современныхъ писателей о
старчествахъ, объ его такъ называемыхъ добродѣтеляхъ, 4)
выяснить всю необходимость старчества въ жизни монашества
и указать, наконецъ, 5) значеніе его для окормляемыхъ
учениковъ и самого окормителя“ (стр. VI—VII). Но изъ этихъ
пяти задачъ авторомъ наименѣе удовлетворительно выполнена
та, которую онъ признаетъ главною, то есть третья: излагая
воззрѣнія аскетическихъ и другихъ писателей на старчество и
на добродѣтели его, онъ не только воздерживается отъ всякихъ
замѣчаній, могущихъ служить къ уясненію этихъ воззрѣній съ
религіозно-психологической точки зрѣнія, но и вообще не
подвергаетъ ихъ критическому анализу даже въ тѣхъ случаяхъ,
когда самъ отмѣчаетъ своеобразность этихъ воззрѣній. Такъ,
напр., онъ говоритъ, что „на фактъ передачи новопоставленнаго
на поруки старцу мы должны остановиться нѣсколько по-
дробнѣе, такъ какъ основною сущностью этого факта привно-
сится въ понятіе добродѣтели безусловнаго подчиненія волѣ
Христа новое начало послушанія, также безусловнаго, волѣ

старца (стр. 19—20)“, однако не выясняетъ, какъ это „новое начало“ можетъ быть примирено съ безусловнымъ подчиненіемъ волѣ Христа. Онъ не разъясняетъ также часто встрѣчающагося въ аскетическихъ твореніяхъ своеобразнаго пониманія текстовъ св. Писанія. Такъ, напр., онъ ссылается (стр. 22), по указаніямъ аскетическихъ писателей, въ доказательство необходимости подчиняться совѣтамъ старцевъ на текстѣ св. Писанія: „безъ совѣта ничего не твори“ (Сир. XXXII, 21), но не указываетъ на обычное и, безъ сомнѣнія, болѣе правильное пониманіе, по которому въ этомъ текстѣ рѣчь идетъ не о совѣтахъ, а о томъ, что ничего не должно дѣлать безъ разсужденія. Вообще въ сочиненіи господствуетъ тонъ категорическій и болѣе частью хвалебный, часто переходящій въ патетическій, болѣе умѣстный въ панегирическихъ рѣчахъ, чѣмъ въ научномъ сочиненіи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ находится и языкъ сочиненія, изобилующій выраженіями своеобразными, вычурными, фигуральными. Такъ свою характеристику византійско-аѳонскаго монашества онъ заключаетъ словами: „словомъ, византійско-аѳонскій монахъ былъ подобенъ ангелу. Не безъ основанія нѣкоторые византійскіе писатели употребляли это сравненіе въ отношеніи къ монахамъ“ (стр. 181—182). Восхваляя монахинь Дивѣвскаго монастыря и въ частности скончавшуюся въ прошломъ году игуменію Марію, онъ восклицаетъ: „какіе поистинѣ райскіе цвѣты созрѣвали въ лицѣ монахинь подвижницъ Дивѣвскаго монастыря“! (стр. 331). Не мало слабыхъ сторонъ замѣчается и въ выполненіи другихъ задачъ, намѣченныхъ авторомъ. Такъ, авторъ говоритъ, что старчество получило начало отъ Антонія Великаго, основателя монашества (стр. VIII), но не выясняетъ въ достаточной степени отношеніе этого старчества къ тому, которое, какъ видно изъ изложенія автора (стр. VII и др.), ранѣе существовало въ Египтѣ. Говоря о распространеніи старчества въ Египтѣ, Палестинѣ, въ Византіи, на Аѳонѣ и въ Россіи, онъ останав-

ливается лишь на нѣкоторыхъ старцахъ или ограничивается общею характеристикою старчества, но не даетъ исторіи развитія его въ каждой изъ указанныхъ странъ. Этотъ недостатокъ въ особенности замѣтенъ въ отдѣлѣ о древне русскомъ старцествѣ (до XIX в.), гдѣ авторъ ограничивается слишкомъ общими характеристиками, лишь изрѣдка дѣлая указанія на нѣкоторыхъ старцевъ, а даже не упоминаетъ о преп. Сергіи, хотя въ слѣдующемъ затѣмъ отдѣлѣ о новомъ русскомъ старцествѣ (съ XIX въ) говоритъ, что „для XIX в. Паисій Величковскій былъ тѣмъ же, чѣмъ преп. Сергій для XV (стр. 272)“. Особенно много вниманія удѣляетъ авторъ выполнению 4-й и 5-й изъ намѣченныхъ имъ задачъ, но не столько говоритъ о значеніи старчества въ исторіи монашества, сколько занимается восхваленіемъ мѡзашества и выясненіемъ благотвораго вліянія его на мірянъ, при чемъ дѣлаетъ очень много длинныхъ, нерѣдко совершенно излишнихъ, выписокъ изъ разныхъ писателей, а иногда пускается въ не относящіяся къ темѣ разсужденія. Такъ, говоря о древне-русскомъ старцествѣ, онъ „въ намѣреніи оттѣннить вліаніе и значеніе нравственнаго облика старца для народа“, дѣлаетъ рядъ длинныхъ выдержекъ изъ твореній различныхъ церковныхъ писателей, хотя ни въ одной изъ этихъ выдержекъ ни слова не говорится о старцествѣ, и между прочимъ выписываетъ болѣе 9 страницъ изъ I. Златоустаго о жизни пустынниковъ (стр. 213—227), вѣроятно, только потому, что на послѣдней страницѣ (227) есть указаніе на то, что у пустынниковъ можно учиться добродѣтельною жизнью. Говоря о вліаніи преп. Серафима на монахинь Дивѣвскаго монастыря, онъ пускается въ совершенно не идущее къ дѣлу разсужденіе о назначеніи и современномъ положеніи женщинъ (стр. 326—330). Встрѣчается не мало повтореній и замѣчается по мѣстамъ недостатокъ строгой логической связи и послѣдовательности. Но главный недостатокъ сочиненія заключается въ томъ, что авторъ хотя неоднократно останавливается на характери-

стикъ старчества, но не даетъ точнаго и яснаго понятія о немъ,—то онъ очень узко понимаетъ старчество, то, наоборотъ, слишкомъ расширяетъ понятіе о немъ.

Но, не смотря на указанные недостатки, рассматриваемое сочиненіе можетъ быть признано, по нашему мнѣнію, вполне удовлетворительнымъ для присужденія автору той ученой степени, на соисканіе которой оно написано. Авторъ очень много работалъ, съ большимъ усердіемъ и любовью къ дѣлу, въ достаточной степени проявилъ способность къ усидчивому научно-литературному труду. Къ достоинствамъ сочиненія относится также внимательное изученіе авторомъ многихъ изъ аскетическихъ и другихъ произведеній, имѣющихъ отношеніе къ темѣ. Но въ особую заслугу автору слѣдуетъ поставить то, что онъ болѣею частью имѣлъ дѣло съ необработаннымъ матеріаломъ и долженъ былъ при своей работѣ идти самостоятельнымъ путемъ. Сочиненіе это представляетъ въ нашей литературѣ первый опытъ изслѣдованія о старцествѣ въ такой широкой постановкѣ, какая дана этому предмету авторомъ. И нужно отдать справедливость автору,—предметъ въ общемъ изслѣдованъ имъ удовлетворительно, хотя и не во всѣхъ частяхъ съ одинаковымъ успѣхомъ“.

34) О сочиненіи студента Петра *Сербинова* на тему: „Твореніе бл. Августина *De civitate Dei*, какъ опытъ философіи исторіи“.

а) Доцента Н. Мухина:

„Сочиненіе студента Петра Сербинова состоитъ изъ большого предисловія, гдѣ выясняется предметъ, задача и планъ работы, и пяти главъ. Въ I главѣ заключается краткій очеркъ философіи исторіи до бл. Августина. Въ II гл. выясняются обстоятельства происхожденія творенія *De civitate Dei*

и излагается содержаніе этого сочиненія. Третья глава обнимаетъ характеристику религіозно-философскаго міросозерцанія бл. Августина. Въ IV главѣ излагаются общія философско-историческія идеи бл. Августина. Наконецъ, къ послѣдней — V главѣ высняется значеніе философіи исторіи бл. Августина и ея вліяніе на послѣдующихъ философовъ-историковъ.

Уже изъ этого краткаго очерка содержанія сочиненія г. Сербинова видно, что онъ даетъ широкую постановку своему труду. Авторъ не ограничивается изложеніемъ философско-историческихъ воззрѣній бл. Августина, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ ихъ въ генетическую связь съ основными принципами его, и также уясняетъ обстоятельства, при которыхъ возникло сочиненіе *De civitate Dei*, чѣмъ не мало способствуетъ пониманію философско-историческихъ идей этого выдающагося церковнаго писателя. Съ спокойствіемъ объективнаго изслѣдователя, авторъ отмѣчаетъ достоинства и недостатки философско-историческаго міросозерцанія бл. Августина и отводитъ подобающее ему мѣсто въ философіи исторіи. Авторъ добросовѣсно изучилъ литературу своего предмета—иностранную и русскую, тщательно проштудировалъ самое твореніе *De civitate Dei*, вѣрно понялъ и оцѣнилъ философско-историческія воззрѣнія бл. Августина, не достаточно только ясно отмѣнилъ онъ вліяніе философско-историческаго міросозерцанія этого церковнаго писателя на позднѣйшихъ философовъ—историковъ. Мысль автора серьезная, послѣдовательная въ своемъ развитіи. Языкъ сочиненія, за немногими исключеніями, чистый, правильный. Все это даетъ право рецензенту относить сочиненіе г. Сербинова къ разряду очень хорошихъ кандидатскихъ диссертаций“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Авторъ настоящаго сочиненія выполнялъ свою задачу при очень счастливыхъ для себя условіяхъ. По предмету его изслѣдованія существуетъ богатая литература, въ которой

какъ самый этотъ предметъ, такъ и всѣ прикасающіеся съ нимъ сюжеты разработаны съ большою тщательностію и обстоятельностью, что конечно значительно облегчало трудъ автора. Послѣдній можетъ быть сравненъ съ человѣкомъ, получившимъ большое наслѣдство, благодаря коему онъ можетъ при небольшомъ трудѣ устроить свое благосостояніе наилучшимъ образомъ. Разумѣется, глупому и богатство, полученное отъ предковъ, не пойдетъ въ прокъ. Но авторъ оказался умнымъ наслѣдникомъ. Онъ умѣло воспользовался благопріятными обстоятельствами и создалъ сочиненіе, обладающее большими достоинствами: полнотою и обстоятельностью разработки предмета сочиненія, здравомысліемъ и солидностію научныхъ выводовъ и положеній, стройностію и логичностію структуры сочиненія и не дурнымъ виѣшнимъ изложеніемъ. Видна, правда, непривычка автора орудовать отвлеченностями и общими понятіями, выражающаяся въ неясности по мѣстамъ мыслей автора и въ неточномъ выраженіи ихъ. И фразеологія подчасъ страдаетъ растянутостію и водянистостію. Но это сравнительно мало портитъ хорошее впечатлѣніе, получаемое при чтеніи сочиненія. Вообще ученый трудъ г. Сербинова можетъ быть признанъ вполне удовлетворительнымъ кандидатскимъ сочиненіемъ“.

35) О сочиненіи студента Петра *Симоновскаго* на тему: „*Ф. М. Достоевскій, какъ выразитель религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества своего времени*“.

а) И. д. доцента П. Кудрявцева:

„Сочиненіе г. Симоновскаго очень содержательно: здѣсь мы находимъ много данныхъ, характеризующихъ и личность Достоевскаго, и его міросозерпаніе; во второй половинѣ сочиненія проходятъ предъ читателемъ тѣ типы Достоевскаго, въ которыхъ, по автору, отразилось религіозно-нравственное

состояніе современнаго Достоевскому общества. Классификація типовъ—удачная, характеристики—содержательныя и мѣткія. И тѣмъ не менѣе задача, предполагаемая темой, не выполнена во всемъ объемѣ: сосредоточивъ свое вниманіе на главныхъ герояхъ произведеній Достоевскаго, авторъ второстепенныхъ и третъестепенныхъ героевъ оставилъ въ сторонѣ, а между тѣмъ ознакомленіе съ ними важно для характеристики общества, да и при изученіи главныхъ героевъ онъ обращаетъ больше вниманія на психологическую характеристику и этическую оцѣнку извѣстнаго типа, чѣмъ на опредѣленіе его значенія, какъ выразителя той или другой стороны въ религіозно-нравственномъ состояніи русскаго общества. Не мудрено, что при такой постановкѣ дѣла существенный для автора вопросъ, насколько вѣрно выразилъ Достоевскій религіозно-нравственное состояніе современнаго ему общества, не нашелъ рѣшенія въ его сочиненіи. Содержательностью своего сочиненія авторъ въ значительной степени обязанъ критической литературѣ о сочиненіи Достоевскаго, довольно полно представленной въ сборникахъ Зелинскаго („Историко-критическій комментарий къ сочиненіямъ Достоевскаго“ и критическіе разборы романа „Бр. Карамазовы“). Впрочемъ, авторъ не считаетъ нужнымъ точно отмѣчать то, что взято имъ у другихъ авторовъ, напр., у г. Зѣрева и др.—Распредѣленіе матеріала въ рассматриваемомъ сочиненіи нельзя назвать стройнымъ: помимо введенія и заключенія, сочиненіе заключаетъ въ себѣ двѣ главы, изъ коихъ первая представляетъ собою характеристику Достоевскаго, какъ человѣка и писателя, а вторая содержитъ изложеніе міросозерцанія Достоевскаго и обзоръ главнѣйшихъ изъ созданныхъ имъ типовъ, имѣющихъ отношеніе къ темѣ. Очевидно, первая глава является какъ бы введеніемъ ко второй, центральной главѣ, и по своему содержанію частію примыкаетъ ко введенію, а частію даже и совпадаетъ съ нимъ. Очевидно, матеріалъ, распредѣленный авторомъ по введенію и первой главѣ,

надо бы объединить, тогда какъ вторую главу, представляющую собственно изслѣдованіе поставленнаго въ темѣ вопроса, можно бы разбить на нѣсколько самостоятельныхъ главъ. Тогда сочиненіе автора получило бы болѣе стройный видъ, а главное—онъ избѣжалъ бы допущенныхъ имъ и не нужныхъ для дѣла повтореній. Стиль сочиненія неодинаковъ,—по видимому, въ зависимости отъ использованныхъ авторомъ пособій. Во второй половинѣ сочиненія онъ лучше, чѣмъ въ первой. Переписчики не всегда считались съ требованіями орфографіи. Привсемъ томъ сочиненіе г. Симоновскаго служить достаточнымъ показателемъ его способности овладѣвать довольно громоздкими матеріалами, а потому даетъ ему право на полученіе степени кандидата богословія“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Настоящее сочиненіе написано, собственно говоря, не на ту тему, которая изображена въ началѣ его, а на другую, которая была и осталась въ головѣ автора и которую можно было бы формулировать такъ: религіозно-нравственное міровоззрѣніе О. М. Достоевскаго и въ частности его взглядъ на значеніе православія въ исторической жизни русскаго народа“. Какъ написанное на свою особую тему, прозвѣденіе г. Симоновскаго пожалуй и не дурное сочиненіе. По крайней мѣрѣ матеріалъ для изображенія предмета сочиненія собранъ въ достаточномъ обиліи, распредѣленъ онъ естественно вездѣ, гдѣ авторъ могъ руководствоваться ясными внѣшними признаками связи явленій, напр. прелѣдовательностію ихъ во времени и изложенъ языкомъ обычно правильнымъ. Вообще сочиненіе обнаруживаетъ въ авторѣ недурнаго рассказчика событій и передатчика чужихъ мыслей. Но мыслитель авторъ не важный. Тамъ, гдѣ ему приходится создавать и выражать отвлеченныя представленія и болѣе общія и сложныя понятія, обычно обнаруживается у него слабосиліе мысли проникнуть въ глубину

вещей и надлежаще опредѣлить значеніе ихъ въ ряду другихъ, мысль автора является колеблющейся, не ясной и не находитъ для себя точнаго выраженія. Какъ кандидатское сочиненіе трудъ г. Симоновскаго можетъ быть названъ удовлетворительнымъ“.

36) О сочиненіи студента Григорія *Скарданицкаго* на тему: „Фарисеи и Саддукеи, какъ выразители идеи религиозной жизни Іудеевъ въ вѣкъ явленія христіанства“.

а) Доцента священника А. Глаголева:

„Важный и интересный во многихъ отношеніяхъ вопросъ — о фарисеяхъ и саддукеяхъ, поскольку именно воззрѣнія ихъ были типичны для современной имъ эпохи въ исторіи іудейства и для іудейства времени явленія христіанства, нашелъ въ студентѣ Скарданицкомъ правоспособнаго и усерднаго изслѣдователя. Авторъ разсматриваемой диссертации тщательно изучилъ источники научныхъ свѣдѣній о фарисеяхъ и саддукеяхъ: свѣдѣтельства Іосифа Флавія, Талмуда, апокрифической іудейской письменности („Псалмы Соломона, Евангелій и нѣкоторыхъ церковныхъ учителей), равнымъ образомъ хорошо ознакомился съ ученою литературою предмета, преимущественно иностранною (особенно по трудамъ Ширера, Деренбурга, Зифферта, Гейгеру, Велльгаузена и др.) а также и русскою (работы Каценельсона, о. К. А. Чемыны, о. проф. А. Смирнова и др. Не видно, къ сожалѣнію, знакомства съ трудами проф. Н. Н. Глубоковского, также съ книгою проф. Д. В. Поспѣхова).

Сочиненіе состоитъ изъ двухъ главъ, при чемъ вторая глава подраздѣляется на три отдѣла. Первая глава представляетъ умѣло составленный историческій очеркъ происхожденія и судебъ фарисейства и саддукейства, при этомъ справедливо подчеркивается органическая связь этихъ партій съ національною почвою исторической жизни послѣднѣшняго іудейства.

Вторая глава 1) излагаетъ сущность фарисейства (1-й отдѣлъ); 2) даетъ характеристику саддукейскаго направленія (2-й отдѣлъ) и 2) представляетъ по пунктамъ догматическія разности въ ученія фарисеевъ и саддукеевъ, какъ послѣдствіе неодинаковаго отношенія однихъ и другихъ къ преданію и различія духовнаго склада первыхъ и послѣднихъ: разсматриваются именно воззрѣнія фарисеевъ и саддукеевъ на отношеніе Божественнаго провидѣнія къ свободѣ человѣческой, на посмертное воздаяніе, воскресеніе мертвыхъ и жизнь загробную, ученіе о духахъ или ангелахъ. Хорошее знакомство автора съ лучшими западно-европейскими трудами даетъ ему возможность надлежаще ориентироваться въ библейскомъ и традиціонномъ—еврейскомъ источникахъ о фарисеяхъ и саддукеяхъ; авторъ, напр., вслѣдъ за западными учеными, Ширеромъ и др., справедливо отвергаетъ (стр. 136) мнѣніе, которое, по почину нѣкоторыхъ церковныхъ учителей (Оригена, бл. Иеронима), высказывалось не разъ и въ новое время,—будто саддукеи признавали только Пятикнижіе Моисеево и отвергали писанія пророческія (мнѣніе это было обязано своимъ происхожденіемъ, вѣроятно, смѣшенію саддукеевъ съ самарянами). Однако иное у западныхъ ученыхъ слѣдовало бы принимать *cum grano salis*: не понятно съ точки зрѣнія нашей православной церковной науки на время заключенія ветхозавѣтнаго капона принятіе западными учеными такъ называемыхъ маккавейскихъ псалмовъ, и не слѣдовало бы автору вторить западнымъ авторитетамъ, усматривающимъ въ псал. 73 описаніе сирійскихъ гоненій на вѣру іудейства (стр. 14). Или уже-ли такъ твердо стоитъ воззрѣніе западныхъ ученыхъ, будто вторая книга Маккавейская „написана въ противовѣсъ первой, вышедшей изъ Асмонейской партіи, и проникнута точкою зрѣнія фарисейства“ (стр. 25)?

Въ цѣломъ, однако, сочиненіе студента Скарданицкаго имѣетъ безспорно научный характеръ и научную цѣльность: мысль автора твердая, сужденія здравыя, какъ въ критикѣ от-

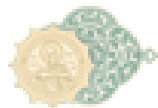
вергаемых положений, такъ и въ утвержденіи и обоснованіи принимаемыхъ; манера изложенія и языкъ сочиненія вполне отвѣчаютъ достоинству научной работы. Относясь къ разряду очень хорошихъ кандидатскихъ диссертаций, разматриваемое сочиненіе, по нѣкоторомъ исправленіи, могло бы быть напечатано, чѣмъ пополненъ былъ бы пробѣлъ въ библейской отечественной литературѣ, почти (за исключеніемъ журнальной статьи Каценельсона) не имѣющей специальной работы о фарисеяхъ и саддукеяхъ“.

б) Экстраординарнаго профессора А. Булгакова:

„Общее впечатлѣніе отъ названнаго труда таково. Авторъ серьезно отнесся къ своей задачѣ, не смотря, на то, что вопросъ, который ему нужно было рѣшить, мало обследованъ въ русской литературѣ.

Въ своемъ трудѣ авторъ излагаетъ исторію появленія фарисейства и саддукейства (гл. 1-я) и даетъ характеристику ихъ (гл. 2-я). Авторъ для этой цѣли воспользовался весьма цѣнными указаніями древней и новой еврейской письменности и имѣлъ возможность установить правильную точку зрѣнія на фарисейство, какъ на лучшее выраженіе іудейскаго духа, ко времени пришествія Спасителя утратившаго въ значительномъ числѣ представителей свои лучшія національныя и религіозныя черты. Наоборотъ, въ саддукеяхъ онъ видитъ ту часть еврейства, которая мало по малу утрачивала чистоту національных вѣрованій и особенностей подъ вліяніемъ греко-римской культуры (это аристократы іудейства).

Вообще по собранію матеріала, по его критической оцѣнкѣ, его распредѣленію и изложенію сочиненіе студента Скарданицкаго показываетъ усерднаго и вдумчиваго начинающаго писателя и даетъ ему полное право на подученіе кандидатской степени“.

37) О сочиненіи студента Павла Смирнова на тему:
„Вторая книга Ездры (Исагогическое изслѣдованіе)“.

а) Экстраординарнаго профессора В. Рыбняскаго:

„Сочиненіе г. Смирнова состоитъ изъ введенія и пяти главъ изслѣдованія. Во введеніи, по обычаю, указываются задачи работы, планъ ея, источники и пособія. Въ первой главѣ, послѣ замѣчаній о названіи книги и ея составѣ, авторъ подробно останавливается на содержаніи книги. Онъ опредѣляетъ отношеніе этого содержанія къ повѣствованію другихъ библейскихъ книгъ и обстоятельно изслѣдуетъ значеніе оригинальной части книги,—разказа о спорѣ трехъ тѣлохранителей Дарія. Во второй главѣ идетъ рѣчь объ источникахъ книги. Признавая источниками 2 Ездры книгу Паралипоменонъ, 1 Ездры и Неемїи, авторъ ставитъ при этомъ вопросъ о томъ, какой собственно текстъ этихъ книгъ, еврейскій или греческій, перерабатывалъ писатель 2 Ездры. Путемъ разбора существующихъ мнѣній и анализа параллельныхъ мѣстъ онъ приходитъ къ заключенію, что писатель 2 Ездры пользовался еврейскимъ текстомъ своихъ источниковъ, но имѣлъ въ виду и греческій переводъ ихъ, „заимствуя изъ него то, что не противорѣчило его стремленію дать въ своемъ трудѣ болѣе легкій и изящный переводъ еврейскаго текста“. Въ третьей главѣ сочиненія дается трактатъ о первоначальномъ языкѣ 2 книги Ездры и ея древнѣйшихъ текстовъ. Первоначальнымъ языкомъ книги авторъ признаетъ греческій, а наиболѣе близкимъ къ первотексту Александрійскій текстъ. Кромѣ греческихъ текстовъ книги авторъ въ той же главѣ рассматриваетъ текстъ латинскій и славянскій. Послѣдній авторъ изучалъ не только по печатнымъ изданіямъ, но и по рукописямъ. Въ четвертой главѣ сочиненія г. Смирнова изслѣдуется вопросъ о времени написанія книги, мѣстѣ ея происхожденія, о писателѣ книги и ея неповрежденности. По мнѣнію автора, 2 Ездры

была написана въ Египтѣ. Писателемъ книги былъ неизвѣстный образованный человѣкъ, „обладавшій основательнымъ знаніемъ св. Писанія и владѣвшій искусствомъ литературнаго изложенія“. Цѣлю написанія книги было желаніе представить въ своемъ произведеніи исторію храма отъ послѣдней эпохи законнаго культа до возобновленія храма и возстановленія законнаго богослуженія. Въ послѣдней (пятой) главѣ высказывается взглядъ на историческое и церковное значеніе книги.

Изъ представленнаго краткаго обзора содержанія сочиненія г. Смирнова видно, что авторъ выдвинулъ всѣ вопросы, входящіе обыкновенно въ составъ псагогическихъ изслѣдованій по свящ. Писанію. Изслѣдованіе этихъ вопросовъ въ сочиненіи имѣетъ научный характеръ и отличается основательностью. Не убоившись кропотливой и сухой работы, авторъ тщательно изучилъ 2 Ездры по различнымъ текстамъ и довольно обширную относящуюся къ ней иностранную литературу. Поэтому въ его распоряженіи было много научнаго матеріала, даваго ему возможность широко поставить свое изслѣдованіе. Выводы автора, какъ и самъ онъ признаетъ, не вездѣ тверды и безспорны. Но, несомнѣнно, большею частью это зависитъ отъ свойства того матеріала, съ которымъ имѣетъ дѣло авторъ. Изложеніе сочиненія простое и почти вездѣ ясное. Въ качествѣ недостатковъ сочиненія можно отмѣтить невыдержанность въ нѣкоторыхъ частяхъ плана и замѣть обнаруживающій на стр. 32 и дал. пробѣлъ въ знаніяхъ автора о періодѣ смѣны вавилонскаго царства персидскимъ. Въ цѣломъ однако это добросовѣстный и почтенный трудъ, вполне удовлетворяющій своей цѣли“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора Ѳ. Покровскаго:

„Указавъ современное слишкомъ неопредѣленное положеніе вопроса о второй книгѣ Ездры, авторъ ставитъ задачею своей работы „проанализировать взгляды и мнѣнія ученыхъ отно-

сительно этой книги, отдѣлить въ нихъ ядро истины отъ гипотетичности, установить болѣе или менѣе вѣроятныя выводы и изложить въ системѣ все относящееся къ вопросу о второй книгѣ Ездры“. Это и дѣлаетъ онъ въ своемъ сочиненіи. Онъ излагаетъ разнообразныя рѣшенія вопросовъ о второй книгѣ Ездры, указываетъ ихъ слабыя стороны и то, что можетъ быть признано въ нихъ истиннымъ, или по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ; его собственныя рѣшенія или точнѣе, мнѣнія, имъ принимаемыя, являются болѣе обоснованными и удобоприемлемыми. Сочиненіе свидѣтельствуетъ объ усидчивости автора и склопности его къ кропотливой работѣ, особенно о томъ и другомъ говорить тщательное сравненіе различныхъ текстовъ и переводовъ книги Ездры. Сочиненіе заслуживаетъ полной похвалы.

Рѣзкимъ и непріятнымъ диссонансомъ являются лишь тѣ, впрочемъ немногія, мѣста, гдѣ приводятся еврейскія слова. Цитаты эти показываютъ неумѣнье писать еврейскія буквы и въ порядкѣ отдѣльныхъ словъ крайне спутаны; чтеніе ихъ почти невозможно. Конечно виновать въ этомъ ближе всего переписчикъ, но не свободенъ отъ вины и авторъ.

Какъ сочиненіе на ученую степень, сочиненіе г. Смирнова должно быть признано вполне удовлетворительнымъ“.

48) О сочиненіи студента Владиміра *Солнцева* на тему: „Истинный прогрессъ человѣческой жизни и исторіи съ христіанской точки зрѣнія“.

а) Доцента В. Экземплярскаго:

„Тотъ путь, которымъ авторъ намѣренъ идти къ рѣшенію вопроса, намѣчается во введеніи: это путь, говоря словами автора, „отъ односторонняго частнаго къ всеобъемлющей правдѣ общаго“, иными словами,—путь отъ доказанной неудовлетворительности различныхъ теорій прогресса къ необходимости

принять христіанскій, единственно истинный отвѣтъ на вопросъ о прогрессѣ человѣческой жизни и исторіи. Соответственно этому, г. Солнцевъ въ двухъ отдѣлахъ первой главы и рассматриваетъ нѣкоторыя опредѣленія понятій прогресса и взгляды съ точки зрѣнія этихъ опредѣленій на жизнь и исторію человечества. Въ первомъ отдѣлѣ этой главы имъ излагаются теоріи прогресса, принадлежащія Руссо, Кондорсэ, Гердеру, Канту, Гегелю, Спенсеру и Карѣву. Второй отдѣлъ первой главы авторъ начинаетъ указаніемъ на отношеніе всѣхъ, имъ изложенныхъ, теорій къ христіанской истинѣ. Въ общемъ онъ приходитъ къ выводу, что всѣ эти теоріи со стороны своей центральной мысли, со стороны, иначе, своего утвержденія, не находятся въ противорѣчій съ откровенной истиной, „почти согласны“ съ нею, а ложными оказываются въ своемъ стремленіи усвоить частной, отгнѣняемой ими идеѣ, универсальное значеніе, съ отрицаніемъ основной христіанской идеи Божественнаго Промысла въ судьбахъ міра и человѣка. Философія В. С. Соловьева, по мнѣнію автора, представляетъ послѣднее слово европейской, философской мысли и притомъ слово уже по существу христіанское. Изложеніемъ воззрѣній В. С. Соловьева и заканчивается первая глава. Чтеніе этой главы ясно доказываетъ, что авторъ не для краснаго слова указалъ во введеніи тѣ пособія, какими онъ пользовался при написаніи сочиненія. Вся указанная имъ литература безспорно больше, чѣмъ прочитана имъ, она имъ изучена. Благодаря этому авторъ довольно смѣло приступилъ къ выполненію задачи своей первой главы, нигдѣ не находясь въ ложной зависимости отъ своихъ пособій, но въ общемъ сознательно группируетъ матеріалъ, самостоятельно обобщая добытые выводы и оригинально освѣщая нѣкоторыя стороны предмета. Но все-же чтеніе этой главы оставляетъ впечатлѣніе большой неудовлетворительности. Для чего авторъ излагалъ всѣ эти теоріи? Во введеніи авторъ говорилъ, какъ сказано, что онъ намѣренъ отъ доказанной неудовлетвори-

Журналы

тельности излагаемыхъ имъ теорій идти къ откровенной христіанской истинѣ. Но однако этого нѣтъ. Отъ критики названныхъ теорій онъ отказался, сославшись на нѣкоторые сочиненія, гдѣ это сдѣлано; а уясненію христіанскаго ученія это изложеніе послужить не могло, такъ какъ отношеніе философской теоріи и христіанскаго ученія только намѣчено, да и то недостаточно точно. Равнымъ образомъ, и изложеніе воззрѣній В. С. Соловьева дало автору одинъ только выводъ, что единственно въ гармоніи философскаго знанія съ религіознымъ откровеніемъ истинный путь къ рѣшенію вопроса о прогрессѣ жизни. Выводъ этотъ безспорно важный, но онъ такимъ дѣлается только въ такомъ случаѣ, если признать, что В. С. Соловьевъ сказалъ дѣйствительно послѣднее слово въ философіи и что онъ вполне удачно соединилъ бывшія до него въ отношеніи полной противоположности понятія прогресса философской и собственно христіанской мысли. Обѣ эти мысли авторъ утверждаетъ свидѣтельствомъ одного только лица (С. Н. Булгакова), хотя безспорно и заслуживающаго уваженія, но по своимъ философскимъ взглядамъ примакающаго къ воззрѣніямъ Соловьева. Но и здѣсь авторъ оказался непослѣдовательнымъ. Если онъ призналъ за философіей В. С. Соловьева такое значеніе, то ему оставалось только подробно раскрыть его воззрѣнія, сопоставить ихъ съ христіанскими началами, показать ихъ существенное сходство или же отгнать различіе; но и этого авторъ не сдѣлалъ, такъ какъ христіанскій взглядъ на предметъ излагаетъ изолированно отъ изложенія первой главы во второй главѣ своего сочиненія. Что же дала читателю первая глава? не болѣе какъ краткую исторію теорій прогресса въ области философской мысли, исторію, которая можетъ служить введеніемъ къ послѣдующему положительному рѣшенію вопроса, но не органически связаннымъ съ послѣдующимъ цѣлымъ, благодаря чему обѣ индуктивному методу рѣшенія проблемы въ собственномъ смыслѣ рѣчи быть не можетъ. Вторая

глава, какъ упомянуто, представляетъ положительное рѣшеніе вопроса о прогрессѣ человѣческой жизни и исторіи съ христіанской точки зрѣнія. Здѣсь авторъ раскрываетъ понятіе о Царствѣ Божіемъ, какъ цѣли человѣческой жизни, по аналогіи съ земнымъ царствомъ, и объ основныхъ принципахъ жизни этого царства, началахъ свободы и любви, неразрывно между собою связанныхъ. Постепенное приближеніе къ Царству Божію, „постепенное утвержденіе христіанина въ свободной любви къ Богу и ближнему“ и составляетъ истинный прогрессъ личной жизни. Во второмъ отдѣлѣ главы авторъ говорить о томъ, какъ предъ лицомъ идея Божьяго Царства должно понимать истинный прогрессъ исторической жизни человечества, опредѣленіе чего имѣетъ безусловную важность для рѣшенія вопроса о смыслѣ личной жизни. Исходнымъ пунктомъ авторъ беретъ ученіе св. апостола Павла, называемое имъ „христіанской философій исторіи“, освѣщающее смыслъ до христіанской жизни языческаго и іудейскаго міра, и на основаніи этого ученія утверждаетъ, что основнымъ началомъ этой жизни было Божественное руководство при полномъ сохраненіи закона человѣческой жизни—свободы. Утвердивши понятіе о цѣли дохристіанскаго домостроительства, авторъ прямо ставитъ вопросъ, должно ли признать дохристіанскую исторію прогрессивной, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ положительно, путемъ интереснаго сравненія жизни дохристіанскаго человечества съ исторіей блуднаго сына въ евангельской притчѣ. „Человѣчество, опытно познавая добро и зло, идетъ на встрѣчу Божіей любви“—таковъ былъ путь дохристіанскаго человечества. Конечные результаты дохристіанской исторіи ясно доказали, что по существу она была прогрессивной, не будучи такою во всѣхъ частныхъ моментахъ. Что же, спрашиваетъ авторъ, служило внутренней основой этого прогресса, помимо Божественнаго Промысла? Это, по автору, начало честности въ широкомъ смыслѣ слова, начало, иначе, искренности,

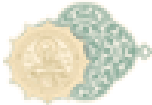
убѣжденности, которая и является реальнымъ выраженіемъ разумной человѣческой свободы. Съ этимъ критеріемъ авторъ обращается и къ рѣшенію вопроса о томъ, прогрессивна ли христіанская исторія человѣчества до нашихъ дней. Путемъ сравненія нашихъ дней съ первыми днями христіанства, путемъ характеристики современной эпохи авторъ приходитъ къ выводу, что исторія человѣчества и въ періодъ христіанскій по существу является прогрессивной, что христіанство дѣйствительно является закваскою преобразующей жизнь міра, несмотря на смѣну въ исторіи человѣчества состояній паденія и покаянія. Въ третьемъ и послѣднемъ отдѣлѣ главы авторъ говоритъ о православной церкви Христовой, по сравненію ея съ католицизмомъ и протестантскими общинами, и видитъ въ благодатной жизни Церкви прямой путь въ Божіе Царство: въ единеніи съ церковію залогъ истиннаго прогресса жизни и отдѣльнаго лица и всего человѣчества. Не трудно видѣть и по краткому изложенію, что вторая глава интересна и содержательна. Въ этой главѣ есть не мало положеній спорныхъ, многое вызываетъ недоумѣніе, но все это не болѣе, какъ доказательство жизненности содержанія этой главы. Авторъ, повидимому, намѣренно избѣгалъ избитыхъ, общепризнанныхъ, но большею частію и мало содержательныхъ общихъ фразъ, но старался поставить вопросъ со всею опредѣленностію и съ такою-же опредѣленностію на него отвѣтить. Здѣсь опять таки авторъ далъ доказательство какъ своего серьезнаго знакомства съ нашею литературою по его предмету, такъ и самостоятельности своей мысли. Авторъ располагаетъ матеріалъ по оригинальному плану, строго послѣдовательно проводитъ основную свою идею и безъ колебаній и всяческихъ уклоненій отвѣчаетъ на вопросъ опредѣленно и увѣренно. Замѣчается въ этой главѣ и характерная особенность авторскаго мышленія, склонность къ нерѣдко поспѣшнымъ обобщеніямъ. Съ особенной ясностію это сказывается въ третьемъ отдѣлѣ главы, гдѣ авторъ гово-

рять о значеніи православной церкви и видить несомнѣнные доказательства возвращенія въ ея лоно запада.

Прежде чѣмъ сдѣлать общее заключеніе о работѣ г. Солнцева, я считаю долгомъ напомнить, что онъ работалъ надъ вопросомъ громадной трудности, которая зависитъ не только отъ безконечно разнообразныхъ отвѣтовъ на вопросъ, существующихъ въ исторіи человѣческой мысли, но и отъ отсутствія въ нашей наукѣ строго научныхъ трудовъ, систематически изложенныхъ ученій о прогрессѣ. Нѣкоторые недостатки сочиненія не имѣли бы мѣста въ немъ, если бы авторъ захотѣлъ идти по проторенной дорогѣ въ рѣшеніи вопроса, не пытаясь дать что либо новое и жизненное; но такъ какъ безъ такихъ попытокъ трудно ожидать плодотворной работы въ области христіанской философіи, то и недостатки авторскаго труда вполне заслуживаютъ извиненія. Самостоятельность-же и зрѣлость мысли, общая продуманность всей второй главы, содержательность и обработанность сочиненія, все это позволяетъ мнѣ отнести сочиненіе г. Солнцева къ числу хорошихъ кандидатскихъ работъ“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора П. Липицкаго:

„Содержаніе первой части этого сочиненія составляютъ относящіяся къ вопросу о прогрессѣ ученія слѣдующихъ философовъ и историковъ: Руссо, Кондорсе, Гердера, Канта, Гегеля, Спенсера, Карѣва. Къ обзорѣнню этихъ ученій авторъ присоединилъ слѣдующее положеніе: христіанская религія заключаетъ въ себѣ всю полноту той истины о человѣческой жизни, которая по частямъ выражена въ разныхъ ученіяхъ о прогрессѣ, но онъ не воспользовался однако этимъ положеніемъ въ самомъ изложеніи и разсмотрѣніи таковыхъ ученій, а только ограничился тѣмъ, что какъ бы въ оправданіе кратко и голо-
словно *выраженного* своего взгляда на ученіе о прогрессѣ,

привелъ выдержку изъ проповѣди прѣосвящ. Волинскаго Антонія.

Вторая часть не имѣетъ никакой связи съ первой, ибо есть вполне самостоятельное разсужденіе, изложенное даже инымъ языкомъ, такъ что первая часть сочиненія никакого значенія не имѣетъ для послѣдующаго. Содержаніемъ второй части служить разсужденіе о Царствѣ Божіемъ. Царство Божіе, отождествляемое очевидно съ идеей прогресса, понимается въ духѣ современныхъ нашихъ богослововъ либеральнаго толка. Прежде всего изложено новозавѣтное ученіе о свободѣ и любви; затѣмъ эти начала разсматриваются какъ характерныя черты Царства Божія, при чемъ истолкованіе этихъ началъ, безспорно, согласно съ духомъ нашего времени, но что оно вмѣстѣ съ тѣмъ согласно и съ духомъ Евангельскаго ученія, это едва-ли возможно признать.

Въ Евангеліи свобода поставлена въ зависимость отъ усвоенія истины, и свободѣ въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ духовномъ, противопоставляется рабство грѣху. По толкованію же автора рабство грѣху, напротивъ, есть условіе истинной свободы. Утверждается, что только путемъ переживанья зла, всяческаго зла, человѣкъ можетъ сдѣлаться свободнымъ отъ власти зла. Иллюстраціей этой мысли должна служить притча о блудномъ сынѣ. „Старшій братъ, говоритъ авторъ, это человѣкъ гордый, капризный, жестокій, съ ужаснымъ самомиѣніемъ, упрямый; нравственное *приличіе* этого человѣка, по нашему мнѣнію, не имѣетъ ровно никакой нравственной цѣны. А вѣдь блудный сынъ, чрезъ свое паденіе, опытомъ познавши всю его горечь, сталъ на высоту идеальной святости“ стр. 144. Предполагается, что только собственный опытъ имѣетъ для человѣка значеніе, а опытъ другихъ людей хотя бы организованный, (въ видѣ преданія, ученія) значенія не имѣетъ. Съ точки зрѣнія индивидуализма, теперь господствующаго, такъ и должно быть:

каждый самъ по себѣ долженъ доходить до всего, иначе не будетъ полной свободы, а будетъ зависимость отъ другихъ. Чужой опытъ своего опыта замѣнить не можетъ. Если, положимъ, я не убилъ человѣка, то для меня душевное состояніе убійцы непонятно и невѣдомо, а потому въ отношеніи къ этому состоянію я не свободенъ; кто же это состояние пережилъ и испыталъ его тяжесть, тотъ долженъ почувствовать въ себѣ стремленіе къ освобожденію себя отъ такого состоянія и такимъ образомъ становится дѣйствительно свободнымъ. Очевидно, раскаяніе составляетъ переходъ къ освобожденію отъ зла. Но всегда ли послѣ паденія человѣка должно слѣдовать раскаяніе? Не напрасно заповѣдано молиться: не введи насъ во искушеніе. Разъ признано дѣланіе зла, вообще всего дурного, условіемъ свободы, то затѣмъ нетрудно перейти къ признанію этого условія свободы и необходимою составною частію свободы: свободенъ тотъ, кто считаетъ для себя *все дозволеннымъ*.

Почему же отрицается значеніе чужого опыта? Опытъ другихъ людей потому намъ не указъ, что такой опытъ требуетъ вѣры, довѣрія къ другимъ, а вѣра тоже есть состояніе не свободное, связанное; потому о вѣрѣ теперь не охотно говорятъ. Ибо, кромѣ свободы, другою и притомъ важнѣйшею чертою Царства Божія признается не вѣра, а *любовь*. Ап. Павелъ говоритъ, что любовь выше вѣры, что любовь упразднитъ вѣру. Конечно такая любовь, долженствующая упразднить вѣру будетъ лишь тогда, когда истина намъ откроется лицомъ къ лицу и Богъ будетъ всяческая во всѣхъ. Но авторъ, очевидно, полагаетъ, что Царство Божіе должно основаться вполнѣ здѣсь, на землѣ, слѣд. теперь же вѣра должна упраздниться, а любовь возобладать; но, къ сожалѣнію, исполняется покаместъ только первая часть этой программы. Конечно, нельзя отрицать, что въ Евангеліи любовь къ Богу поставлена на первомъ мѣстѣ, а вѣдь любовь эта возможна только для вѣрующ-

шаго, но въ апостольскомъ посланіи сказано, что кто не любитъ брата, тотъ и Бога не любитъ, и этого довольно, чтобы подѣ именемъ любви разумѣть собственно и исключительно любовь къ ближнему. Впрочемъ, и любовь къ ближнему ни къ чему не обязываетъ: если кто дѣлаетъ зло другому, то не должно считать это противорѣчіемъ любви, ибо, какъ показано выше, дѣланіе зла необходимое условіе для освобожденія отъ власти зла, и слѣдовательно для того чтобы возможна была любовь къ добру. Вообще свобода личности—вотъ истинный смыслъ современнаго богословскаго ученія о Царствѣ Божіемъ. Великіе философы—Кантъ, Гегель то же признавали свободу личности высшимъ началомъ, но личность при этомъ понимали какъ органъ или носительницу общечеловѣческаго разума или мірового духа (отсюда свобода личности и свобода духа—у нихъ понятія тождественныя). Теперь же иначе понимается это начало. Нашъ авторъ наивно замѣчаетъ, что Н. И. Карѣевъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи шагъ далѣе. „Предшествующія (ученію г. Карѣева) теоріи, говоритъ онъ, имѣли въ виду преимущественно человѣка вообще, а не человѣческую личность; изъ человѣка, скажемъ словами проф. Карѣева, сдѣлали простое орудіе безсмысленно (sic) исполняющее планъ исторіи и философы и философствующіе историки“ стр. 45. Т. е. теперь человѣкъ, каковъ онъ есть, всякій человѣкъ безразлично признается абсолютною пѣнностью. Въ концѣ сочиненія немного сказано о церкви, причемъ руководителемъ автора въ этомъ случаѣ является Хомяковъ (преимущественно) и оттого трактатъ о Царствѣ Божіемъ въ разсматриваемомъ сочиненіи поставленъ отдѣльно отъ ученія о церкви. Черты Царства Божія—свобода и любовь, а основное свойство церкви—соборность. Слѣдовало бы связать эти начала въ одно цѣльное понятіе о христіанской жизни; впрочемъ и во взглядѣ автора на церковь сказывается современный индивидуализмъ. Соборность у автора между прочимъ такъ опредѣляется. „Если возникали въ церкви какія либо недо-

разумѣнія, то вся церковь участвовала въ ихъ разрѣшеніи. Изъ всѣхъ помѣстныхъ церквей стекались представители на соборъ вселенскій... *Каждый христіанинъ* такимъ образомъ участвовалъ въ рѣшеніяхъ собора, ибо представители помѣстныхъ церквей избирались всей церков. общиною“ стр. 186. Невольно эта фраза напоминаетъ тайную, всеобщую и равную подачу голосовъ. Для церкви всегда было важнымъ дѣломъ избраніе *достойнѣйшаго*, а не *равноправности* избирателей, потому то допускались въ разные времена различные способы избранія.

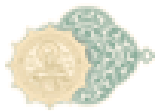
Студ. Солнцевъ въ своемъ сочиненіи не проявилъ ни малѣйшей умственной самостоятельности. Конечно, если предметомъ сочиненія служатъ такого свойства вопросы, то, при рѣшеніи ихъ, приходится имѣть дѣло съ давленіемъ духа времени, то отъ студента трудно въ этомъ случаѣ требовать самостоятельности, которая оказывается едва ли достижимою и не для однихъ студентовъ. Но зачѣмъ же все таки съ такимъ поспѣшнымъ и угодливымъ усердіемъ подчиняться довольно измѣненнымъ тенденціямъ времени, какъ это видно изъ того, что нашъ авторъ совсѣмъ пренебрегъ открывавшеюся ему возможностью проявить нѣкоторую самостоятельность сужденія въ избранномъ имъ дѣлѣ. Я разумѣю первую часть сочиненія, въ которой излагаются разные ученія о прогрессѣ. Съ какою небрежностію, съ какимъ невниманіемъ отнесся авторъ къ этой самой важной и серьезной части своего труда, это видно изъ того, что ученія Руссо, Кондорсе, Гердера, Канта, Гегеля, Спенсера изложены кратко и поспѣшно, самымъ поверхностнымъ способомъ по статьямъ А. Бѣляева, Александра Введенскаго, П. Виноградова, Н. Грота. К. Дебольскаго, прот. Свѣтлова; хотя сочиненія почти всѣхъ названныхъ философовъ есть въ русскомъ переводѣ, да и серьезные пособія къ ознакомленію съ ними имѣются въ изобиліи. При этомъ Н. И. Карѣевъ у него поставленъ выше всѣхъ философовъ; между

ученіемъ Гегеля о прогрессѣ и ученіемъ Спенсера о томъ же предметѣ онъ не усмотрѣлъ никакой существенной разницы. Видно, что наиболѣе важная и серьезная для студента часть труда, часть собственно учения, а не публицистическая, наименѣе интересовала нашего автора, что свидѣлствуетъ о недостаточной его умственной зрѣлости“.

39) О сочиненіи студента Павла Стасиневича на тему: „Религіозное заклѣтіе (херемъ) и церковное отлученіе (анаѣма) въ библейской древности“.

а) Доцента священника А. Глагольева:

„Тема сочиненія—не сложная. Своеобразный обычай древне-еврейской жизни—херемъ выступаетъ въ Библии съ вполне опредѣленными и не многочисленными очертаніями. Выборъ, группировка и изъясненіе этихъ библейскихъ данныхъ и составляетъ задачу труда на названную тему. Обычай херема въ библейской древности испыталъ нѣкотораго рода эволюцію: послѣ плѣна обычай религіознаго заклѣтія—херема измѣнился въ обычай церковнаго отлученія—анаѣмы. И въ первой и въ послѣдней формахъ древнееврейскій херемъ имѣлъ аналогіи въ языческой древности, равно и во времена христіанскія: отсюда—умѣстность, желательность сравнительнаго элемента въ работѣ о херемѣ. Всѣ этого рода пункты нашли мѣсто въ работѣ студента Стасиневича, но раскрытіе ихъ у автора не отличается ни желательною пиротейю, ни возможною разносторонностью и глубиною. Постановка дѣла—самая упрощенная. Вообще не по количеству только, но и по качеству разсматриваемая работа представляется удовлетворяющею минимальнымъ лишь требованіямъ изъ предъявляемыхъ академической практикою къ кандидатскимъ диссертаціямъ“.

б) Заслуженного ординарного профессора Н. Дроздова:

„Задачею для своей работы г. Стасиневичъ ставить: „прослѣдить, какъ изъ простой формы ветхо-завѣтнаго херема *выродился* (sic!) актъ великой важности—церковное отлученіе“. Но прежде, чѣмъ говорить о херемѣ или заклятіи, какъ особомъ видѣ обѣтовъ ветхозавѣтнаго Израилія, онъ считаетъ необходимымъ „для полноты выполненія работы“ рассмотреть обѣты вообще, какъ принадлежность религіознаго культа. Затѣмъ онъ трактуетъ о заклятіи въ доплѣнный періодъ, и наконецъ рассматриваетъ заклятіе въ послѣдѣнный періодъ, когда оно не могло примѣняться съ прежнею строгостью и превратилось въ видъ церковно-дисциплинарнаго взысканія въ формѣ церковнаго отлученія, въ которомъ талмудъ и раввины различали двѣ степени: *excommunicatio major* и *excommunicatio minor*, примѣнявшіяся и въ ново-завѣтную эпоху, въ подтвержденіе чего авторъ ссылается (стр. 80—81), но безъ надлежащихъ разъясненій, на различныя мѣста изъ Новаго Завѣта, не различая тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ указывается на іудейское (синагогальное) отлученіе, отъ тѣхъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о христіанскомъ отлученіи и не обращая вниманія на существенное отлічіе перваго отъ втораго. Заканчиваетъ свою работу авторъ нѣсколькими строками о христіанскомъ церковномъ отлученіи, но говоритъ о немъ слишкомъ въ общихъ чертахъ и очень неопредѣленно.

Авторъ собралъ хотя небогатый матеріалъ, однако достаточный для того, чтобы, при болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу и въ особенности при болѣе тщательномъ изученіи Свящ. Писанія, вполне удовлетворительно рѣшить предстоявшую ему задачу. Но не весь собранный авторомъ матеріалъ проанализированъ и обработанъ въ достаточной степени, и что въ особенности важно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаруживается недостаточно внимательное отношеніе автора къ библейскому

тексту не только ново-завѣтному, но и ветхо-завѣтному. Также и въ самомъ изложеніи сочиненія замѣчается немало слабыхъ сторонъ. Встрѣчаются мѣста, не имѣющія строгой логической связи, неточныя или неясныя, неопредѣленныя выраженія и переходности языка. Неясность изложенія усугубляется тѣмъ, что авторъ не держится опредѣленной терминологіи, но не рѣдко употребляетъ различные термины, какъ херемъ, заклятіе и отлученіе, то въ одномъ смыслѣ, то въ другомъ. Но работа автора не лишена и добрыхъ качествъ. Онъ немало потрудился и, повидимому, съ усердіемъ и любовію. Въ достаточной степени онъ обнаружилъ умѣнье обращаться съ матеріаломъ и способность къ научно-литературному изложенію. Большая часть сочиненія обработана авторомъ вполне удовлетворительно. Принимая во вниманіе все это и трудность предмета подлежащаго изслѣдованію, можно, по нашему мнѣнію, признать рассматриваемую работу достаточною въ качествѣ кандидатской диссертациі“.

40) О сочиненіи студента Игнатія *Стеллецкаго* на тему: „Преобразование духовно-учебныхъ заведеній въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія“.

а) Экстраординарнаго профессора протоіерея Ѳ. Титова:

„Сочиненіе написано по слѣдующему плану. Сначала авторъ показываетъ причины, обусловившія необходимость реформы духовныхъ школъ въ 60-хъ годахъ XIX в., главною и конечною изъ тѣхъ (причинъ) онъ признаетъ неудовлетворительное состояніе дореформенной духовной школы; затѣмъ онъ подробно изображаетъ ходъ подготовительныхъ работъ по преобразованію духовно-учебныхъ заведеній въ 60-хъ годахъ XIX в., и, наконецъ, говоритъ о самомъ преобразованіи духовныхъ школъ въ 1867 и 1869 г.г.

Соответственно такому плану, самое сочинение автора, кромѣ *предисловія*, въ которомъ онъ даетъ библіографію своего вопроса (стр. 1—XI), и *введенія*, въ которомъ содержится общая характеристика дореформенной духовной школы въ Россіи (стр. 1—20), состоитъ изъ четырехъ частей, каждая изъ которыхъ, въ свою очередь, подраздѣляется на нѣсколько главъ.

Въ десяти главахъ *первой* части (стр. 1—145) изображается состояніе русской духовной школы наканунѣ 60-хъ годовъ XIX в. со стороны отношенія свѣтской литературы къ ней (гл. 1-я), бѣдности ея (гл. 2-я), содержанія воспитанниковъ ея столомъ и одеждой (гл. 3-я), помѣщеній ея (гл. 4-я), неудовлетворительности воспитанія въ ней (гл. 5-я), матеріальной необеспеченности учителей ея (гл. 6-я), религіозно-нравственнаго состоянія (гл. 7-я), учебного дѣла (гл. 8-я), системы экзаменовъ (гл. 9-я) и наконецъ, общаго упадка и разложенія школы (гл. 10-я).

Въ девяти главахъ *второй* части (стр. 146—287) подробно описывается подготовительная дѣятельность по преобразованію духовно-учебныхъ заведеній въ 60-хъ годахъ XIX в., при чемъ въ частности, авторъ говоритъ здѣсь о признаніи необходимости кореннаго преобразованія духовной школы въ началѣ 60-хъ годовъ представителями духовенства и свѣтскаго общества (гл. 1-я), объ учрежденіи спеціальнаго комитета для разработки вопроса подъ предсѣдательствомъ архіепископа Дмитрія (Муретова) и дѣятельности его (гл. 2-я), о проэктѣ комитета касательно желательной постановки воспитательнаго дѣла въ духовной школѣ (гл. 3-я),—образованіи (гл. 4-я)—веденіи хозяйства (гл. 5-я),—административной части (гл. 6-я), объ отношеніи духовнаго и свѣтскаго общества къ трудамъ и проэку комитета 1860 г. (гл. 7-я), о частномъ осуществленіи проэкта 1860 г. (гл. 8 и 9-я).

Въ *третьей* части (стр. 311—366), состоящей изъ 3-хъ главъ, излагается исторія преобразованія духовныхъ училищъ

и семинарій въ 1867 г. и дѣлается оцѣнка произведенной реформы.

Наконецъ, въ *четвертой* главѣ (стр. 367—413) излагается исторія преобразованія духовныхъ Академій, въ 1869 г. и дается краткая характеристика академической реформы.

Таково содержаніе сочиненія. Главный недостатокъ его составляетъ крайнее резонерство автора, являющееся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ стремленія автора во что бы то ни стало все критиковать и все переоцѣнивать, какъ онъ выражается. Особенно это сказывается въ первой части сочиненія. Болѣе объективнымъ и спокойнымъ тономъ отличается вторая часть сочиненія. Въ третьей части своего сочиненія авторъ является неутомимымъ резонеромъ-критиканомъ.

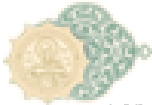
Независимо отъ этого недостатка, сочиненіе автора обнаруживаетъ его усердіе, выразившееся въ тщательномъ изученіи обширной и разбросанной литературы.

Изложеніе сочиненія, за немногими исключеніями, можетъ быть признано удовлетворительнымъ.

Авторъ же, по нашему мнѣнію, вполне заслуживаетъ присужденія степени кандидата богословія“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Петрова:

„Сочиненіе г. Стеллецкаго состоитъ изъ предисловія, введенія и четырехъ частей. Въ предисловіи указывается задача изслѣдованія, его источники, порядокъ расположенія. Во введеніи дѣлается обзоръ исторіи духовныхъ школъ въ Россіи со времени равноапостольнаго князя Владиміра до 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, обзоръ—слишкомъ общій и въ большей части своей ненужный для изслѣдованія. Существенное содержаніе изслѣдованія составляютъ четыре его части. *Первая часть* гово-

рять о состояніи духовно-учебныхъ заведеній накануне реформы 60-хъ годовъ. Эта часть состоитъ изъ 9-ти главъ и довольно полно изображаетъ дореформенное состояніе нашихъ духовно-учебныхъ заведеній предъ 60-ми годами, а именно: излагаетъ общій ходъ тогдашней обличительной литературы, направленной противъ недостатковъ духовно-учебныхъ заведеній, говоритъ о скудости наставническаго жалованья, содержанія воспитанниковъ и училищныхъ зданій, объ административныхъ злоупотребленіяхъ и произволѣ духовно-училищной власти и принижённости подчиненныхъ, о постоянномъ антагонизмѣ между учащими и учащимися, о недостаточности положительныхъ способовъ развитія и укрѣпленія нравственности въ ученикахъ, о состояніи учебной части и загроможденія семинарской программы утилитарными знаніями, о мертвомъ формализмѣ преподаванія наукъ, о многочисленности экзаменовъ и бесплодности ихъ и проч. Въ результатѣ получались совершенное разложеніе и полный упадокъ духовной школы, настоятельно требовавшіе коренной ея реформы. Во *второй части* изображается подготовительная дѣятельность въ дѣлѣ реформы духовныхъ училищъ. Здѣсь авторъ въ 9-ти главахъ говоритъ о назрѣвшей необходимости реформы духовной школы, о запискѣ профессора Ростиславова, о собираніи справокъ относительно состоянія духовныхъ школъ во Франціи и на Востокѣ, объ осмотрѣ княземъ Урусовымъ 9-ти семинарій и образованіи въ 1860 году Комитета по преобразованію духовныхъ училищъ подъ предсѣдательствомъ Херсонскаго архіепископа Дмитрія Муретова. Обзорѣнію дѣятельности этого комитета и посвящена главнымъ образомъ эта часть сочиненія. Но основныя идеи прозектированной реформы, при всей ихъ оригинальности, не имѣли практическаго характера, страдали односторонностію и въ самомъ комитетѣ вызвали сильную оппозицію, вслѣдствіе чего выработанный комиссіею проектъ реформы духовной школы посланъ былъ на обсужденіе епархіальныхъ архіереевъ и духовныхъ академій и

семинарій. Собранный такимъ образомъ матеріалъ, при новомъ Оберъ-Прокурорѣ Св. Синода Д. А. Толстомъ, поручень былъ новому комитету о преобразованіи духовныхъ семинарій и училищъ, учрежденному въ мартѣ 1866 года подъ предсѣдательствомъ Кіевскаго митрополита Арсенія. И этотъ Комитетъ, не смотря на особое мнѣніе двухъ своихъ членовъ, архимандритовъ Филарета и Михайла, въ томъ же 1866 году выработалъ новый проектъ устава духовныхъ семинарій и училищъ, который, по разсмотрѣніи его митрополитами Московскимъ и Кіевскимъ, Высочайше утвержденъ былъ 14 мая 1867 года. *Третья* часть сочиненія говоритъ о преобразованіи духовныхъ семинарій и училищъ по новому уставу въ административномъ и учебномъ отношеніяхъ. Въ административномъ отношеніи главною идеею новаго устава будто бы была децентрализація власти, послѣдствіемъ чего явились выборное начало (выборы ректора, инспектора, помощниковъ его и учителей) и коллегиальное управленіе въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ. Учебная часть въ этихъ заведеніяхъ новымъ уставомъ представлена короче и выразительнѣе прежнихъ программъ, особенно программы проекта 1860 года. Изданы новыя программы и указаны новыя руководства. *Четвертая часть* сочиненія говоритъ только о преобразованіи духовныхъ академій по уставу 1869 года, проектъ котораго составленъ былъ особо составленнымъ для сего комитетомъ 1868 года, подъ предсѣдательствомъ архієпископа Макарія Булгакова, по нормѣ университетскаго устава. Но такъ какъ основныя начала этого академическаго устава, по признанію автора сочиненія, были тѣ же самыя, которыя положены въ основаніе и семинарскаго устава 1867 года, то, по нашему мнѣнію, автору слѣдовало бы соединить двѣ послѣднія части въ одну, т. е. говорить совмѣстно о преобразованіи *всѣхъ* духовно-учебныхъ заведеній по новымъ ихъ уставамъ.

Независимо отъ обработки сочиненія, оно подкупаетъ въ свою пользу уже однимъ своимъ содержаніемъ, которое живыми

ностями связано съ современнымъ положеніемъ русскихъ духовно-учебныхъ заведеній. Авторъ имѣлъ въ виду собственно сдѣлать „сводъ или собраніе матеріала“ по данному темоу предмету (предисловіе, стр. XI). Въ этомъ смыслѣ авторъ работалъ много и добросовѣстно и пользовался не только печатными, но отчасти и письменными источниками. Можно упрекнуть автора только за то, что онъ не сумѣлъ найти замѣчаній Киевской Духовной Академіи на проектъ устава 1860 года (стр. 267), равно какъ не обратилъ вниманія на архивныя свѣдѣнія о дѣятельности ректора Киевской Академіи архимандрита Филарета Филаретова, который въ 60-хъ годахъ, накануне преобразованій духовно—учебныхъ заведеній, твердо и грозно управлялъ какъ самою Академіею, такъ и Киевскимъ духовно-учебнымъ округомъ. Что же касается идейнаго освѣщенія собраннаго матеріала, то въ этомъ отношеніи авторъ больше отдѣляется общими высокопарными мыслями и трескучими фразами, которыя преимущественно сосредоточены у него въ предисловіи и введеніи, и не даетъ вѣрнаго освѣщенія излагаемыхъ у него фактовъ. Едва-ли можно согласиться съ авторомъ, будто бы въ основѣ устава духовныхъ семинарій и училищъ 1869 года положенъ былъ принципъ децентрализаціи (стр. 315 и 323), тогда какъ на самомъ дѣлѣ съ этимъ уставомъ усилена централизація власти въ канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода и въ Учебномъ Комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ. Нельзя согласиться и съ тѣмъ положеніемъ автора, будто бы характеръ той или другой реформы духовно-учебныхъ заведеній опредѣлялся характеромъ личности извѣстныхъ историческихъ дѣятелей, какъ напр., Оберъ-Прокуроровъ Святѣйшаго Синода графовъ Протасова и Д. А. Толстого (введеніе стр. 13 и слѣд., и соч. стр. 311 и сл.), тогда какъ всеъ обозрѣваемые авторомъ реформы духовно-учебныхъ заведеній обыкновенно шли параллельно съ подобными реформами свѣтскихъ учебныхъ заведеній, университетовъ, гимназій и проч., а слѣдо-

Журналы.

вательно опредѣлялись не столько отдѣльными личностями, сколько общимъ направленіемъ внутренней государственной политики.—Какъ первый ученый трудъ, и притомъ исполненный весьма старательно, сочиненіе можетъ быть признано очень хорошимъ“.

41) О сочиненіи студента Дмитрія *Герзича* на тему: „Положеніе православнаго духовенства въ Босніи и Герцеговинѣ въ XIX столѣтіи и значеніе его въ дѣлѣ защиты православноѣ вѣры и церкви“.

а) Ординарнаго профессора В. Завитневича:

„Оттѣняя свою излюбленную, проходящую чрезъ все сочиненіе, мысль, что въ Босніи и Герцеговинѣ низшее духовенство всегда находилось въ самой тѣсной, непосредственной связи съ народомъ и что, слѣдовательно, историческая судьба его не можетъ быть разсматриваема отдѣльно отъ судьбы послѣдняго, г. Герзичъ во введеніи знакомить съ положеніемъ подъ властью турокъ христіанъ Балканскаго полуострова вообще, а въ первой главѣ разсматриваетъ тотъ вопросъ въ отношеніи Босніи и Герцеговины въ частности. Не возражая противъ такой постановки вопроса, можно однако же замѣтить, что для существа дѣла не было необходимости отводить такъ много вниманія этому вопросу, тѣмъ болѣе, что авторъ не сказалъ здѣсь ничего такого, о чемъ не говорили бы другіе. Въ первой главѣ авторъ особенно оттѣняетъ ту мысль, что главнымъ источникомъ всѣхъ невзгодъ, какія терпѣли христіане Босніи и Герцеговины, было не столько варварство турокъ, сколько мусульманскій фанатизмъ своей же мѣстной знати, которая, измѣнивъ христіанской вѣрѣ и славянской народности изъ корыстныхъ побужденій, была настоящимъ бичомъ для своего народа, всѣми силами противоудѣйствуя реформамъ турецкаго прави-

тельства, которое только послѣ долгой борьбы осуществлены были въ 1850 году.

Для поработанныхъ Турками славянъ Балканскаго полуострова христіанская вѣра служила знаменіемъ, подъ которымъ они боролись за свою жизнь, за свою національную самобытность и политическую независимость. Послѣ измѣны народу мѣстной аристократіи, духовенство становилось естественнымъ руководителемъ народа въ сферѣ не только религіозной, но и политической, вслѣдствіе чего и фанатизмъ мусульманъ прежде всего и больше всего обрушивался на представителей духовенства, которое выдвинуло изъ себя рядъ крупныхъ дѣателей. Особенную извѣстность въ этомъ отношеніи получили священники изъ фамиліи Зимоничей; самымъ выдающимся изъ нихъ былъ Богданъ Зимовичъ, на дѣятельности котораго авторъ останавливается съ особымъ вниманіемъ. Совсѣмъ съ иной стороны характеризуется въ сочиненіи высшая іерархія изъ грековъ фанаріотовъ, вся дѣятельность которыхъ, по выраженію автора, направлена была „къ усердному набиванію своихъ кармановъ“ и вообще—къ *обиранію* паствы. Но зато низшее духовенство, стоящее въ непосредственной связи съ народомъ и объединенное съ нимъ въ скупщинѣ, много работаетъ надъ устройствомъ Церкви, надъ сооруженіемъ храмовъ и монастырей, особенно со времени реформы 1850 года, и надъ урегулированіемъ отношенія низшаго клира къ высшей іерархіи съ одной стороны и къ паствѣ съ другой. Таковы основныя мысли, развиваемыя во второй главѣ. — Третья глава подраздѣляется надѣ части. Въ первой части характеризуется положеніе Босніи и Герцеговины со времени оккупации ихъ (1878 г.) Австро-Венгріей и рассматриваются мѣропріятія новаго правительства, направленные къ сліянію этихъ областей съ Имперіей; здѣсь авторъ особенно внимательно останавливается на неудавшейся попыткѣ австрійскаго правительства совершенно отдѣлить оккупированныя области въ церковномъ отношеніи отъ константино-

польскаго патріарха и на его конкордатъ съ послѣднимъ 16 марта 1880 года, которымъ Церковь въ Босніи и Герцеговинѣ—отдается въ административномъ отношеніи во власть иновѣрнаго правительства. Анализируя содержаніе этого конкордата, авторъ доказываетъ его неканоничность и вредъ для православной Церкви въ этихъ провинціяхъ. Вторая часть этой главы посвящена вопросу о состояніи просвѣщенія. Разсматривая мѣропріятія австрійскаго правительства въ этомъ отношеніи, авторъ разоблачаетъ его скрытую тенденцію, направленную къ полному слиянію этихъ областей съ Имперіей. Четвертая глава, тоже подраздѣленная на двѣ части, посвящена обзору дѣятельности въ Босніи и Герцеговинѣ католической пропаганды и борьбы съ нею духовенства въ союзѣ съ народомъ. Эта глава содержитъ много любопытныхъ данныхъ и читается съ особымъ интересомъ.

Сочиненіе г. Терзича представляетъ собою очеркъ религіознаго состоянія Босніи и Герцеговины за означенный періодъ времени свачала подъ властію Турокъ, а потомъ въ такъ называемый оккупационный періодъ. Собравъ добросовѣстно, насколько позволяли условія, при которыхъ онъ работалъ, относящійся къ предмету сочиненія научный матеріалъ, авторъ освятилъ его съ точки зрѣнія интересовъ православной церкви и національно-политической самобытности изученныхъ областей. Если настоящему сочиненію иногда недостаетъ холодной объективности, то въ немъ есть другое дѣнное достоинство. Трудъ г. Терзича—это плачъ горячаго патріота, глубоко скорбящаго въ виду печальнаго положенія его родины, у которой мало по малу отнимается все, что считается самымъ дорогимъ, самымъ святымъ въ жизни народа. Для полученія кандидатской степени признаю настоящее сочиненіе вполне удовлетворительнымъ“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Предметъ сочиненія былъ очень близокъ и дорогъ сердцу г. Терзича какъ православнаго серба—патріота. Это обстоя-

тельство имѣло и выгодныя и невыгодныя стороны для автора въ его работѣ. Съ одной стороны, благодаря ему авторъ отнесся къ своему дѣлу съ особенной любовью, почему съ усердіемъ и раченіемъ собиралъ, обрабатывалъ и группировалъ матеріалы для своего сочиненія, словомъ, дѣлалъ все возможное для наилучшаго рѣшенія предлежавшей ему задачи и дѣйствительно далъ въ сочиненіи, въ отношеніи къ содержанію, обстоятельное и интересное изслѣдованіе и изображеніе своего предмета. И въ изложеніи онъ внесъ пагубу и увлеченіе, вызывающіе въ читателѣ симпатію къ предмету. Съ другой стороны, вслѣдствіе той же причины авторъ не могъ сохранить подобающаго въ ученой работѣ безпристрастія при оцѣнкѣ дѣйствій тѣхъ лицъ, классовъ и народовъ, которыхъ онъ считаетъ врагами своего народа, толкуя эти дѣйствія обычно въ другую сторону и всюду присоединяя къ ихъ именамъ разныя не лестныя эпитеты. И въ изложеніи пагуба выражается въ бессознательномъ, повидимому, повтореніи излюбленныхъ патетическихъ картинокъ и фразъ. Впрочемъ, эти недостатки проявляются главнымъ образомъ въ общихъ историческихъ очеркахъ и сравнительно мало въ фактическомъ изложеніи матеріала. Распределеніе матеріала въ сочиненіи въ общемъ логично. Языкъ не рѣдко неправильный, что довольно естественно въ нерусскомъ человѣкѣ, хотя бы и учившемся въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Произведеніе г. Терзича я нахожу возможнымъ признать очень хорошимъ кандидатскимъ сочиненіемъ“.

42) О сочиненіи студента Виталія *Травина* на тему: „Обозрѣніе русской литературы по ученію посланій святого Апостола Павла за послѣднее десятилѣтіе“.

а) Доцента В. Экземплярскаго:

„Въ краткомъ предисловіи авторъ не только указываетъ планъ и опредѣляетъ общую задачу своего сочиненія, но и

предлагаетъ собственную критику послѣдняго. Трудно понять это очень широко распространенное обыкновеніе авторовъ-студентовъ такъ своеобразно „облегчать“ работу рецензентовъ ихъ сочиненій. Въ оправданіе г. Травина можно сказать, что онъ довольно точно отмѣтилъ недостатки своего труда, умоливши объ его достоинствахъ. А послѣднія безспорно должно отмѣтить въ названномъ сочиненіи. Это, прежде всего,—значительный трудъ, предпринятый и исполненный авторомъ. Хотя не рѣдко слышатся жалобы на недостатокъ сочиненій, посвященныхъ изученію новозавѣтныхъ писаній, но все же за десять лѣтъ написано такъ много, что изученіе даже части этой литературы потребовало отъ автора не мало времени и труда, принимая во вниманіе число прочитанныхъ имъ книгъ и статей, а также и нѣкоторую трудность чтенія этого рода работы. Авторъ выполнилъ эту работу и представилъ, насколько могу судить, достаточно полное обзорнѣе существующей литературы, т. е. сдѣлалъ то, что непосредственно требовалось его темою. Далѣе къ числу достоинствъ сочиненія надо отнести и то, что авторъ въ краткой передачѣ прочитаннаго сумѣлъ, въ общемъ, достаточно точно передать существенное и характерное въ интересовавшихъ его статьяхъ и изслѣдованіяхъ. Наконецъ, отсутствіе критики, которое самъ авторъ считаетъ недостаткомъ своего труда, въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть поставлено ему въ заслугу, такъ какъ поспѣшная критика солидныхъ изслѣдованій не могла быть иною, какъ неудачной.

Таковы достоинства сочиненія г. Травина, но довольно въ немъ и недостатковъ.

Самый существенный недостатокъ тотъ, что въ настоящемъ сочиненіи не видно и слѣда творческой работы самого автора, если не считать плапа, весьма неумудреннаго. Я *согласился признать, что авторъ долженъ былъ обойтись безъ послѣдовательной критики прочитаннаго; но критика—одно, а*

характеристика—другое. Работать нѣсколько мѣсяцевъ въ опредѣленной области, перечитать такъ много и не высказать, хотя бы въ видѣ заключенія, общаго своего впечатлѣнія отъ прочитаннаго, не высказать своихъ пожеланій, не указать своихъ недоумѣній и т. д., не сдѣлать всего этого—значить обнаружить большую долю самообладанія, но уже граничащаго съ полнымъ равнодушіемъ къ прочитанному.

Далѣе, авторъ отказался отъ личной критики, а между тѣмъ всецѣло довѣряетъ отзывамъ рецензентовъ, хотя иногда мало компетентныхъ, а иногда анонимныхъ. Это своего рода скромность граничить съ ложнымъ самоуниженіемъ. Пря такимъ положеніи дѣла, чѣмъ докажетъ авторъ, что онъ дѣйствительно прочиталъ все то, содержаніе чего передаетъ въ своемъ трудѣ? Быть можетъ онъ и съ содержаніемъ нѣкоторыхъ изслѣдованій познакомился только изъ рецензій? Я далекъ отъ мысли обвинять въ этомъ автора, напротивъ, лично убѣжденъ въ обратномъ, но такое крайнее обезличеніе труда нахожу вовсе не соотвѣтствующимъ интересамъ научныхъ студенческихъ занятій. Наконецъ, изложеніе сочиненія также оставляетъ желать лучшаго.

Указанные недостатки значительно понижаютъ цѣнность сочиненія г. Травина, но отмѣченныя мною въ началѣ положительныя его достоинства позволяютъ мнѣ признать его удовлетворительною кандидатскою работою“.

б) Экстраординарнаго профессора Д. Богдашевского:

„Въ сочиненіи студента В. Травина различается два момента: библіографическій и критическій. Первый моментъ отличается желательною точностью и обстоятельностью: указано почти все главнѣйшее и существеннѣйшее; не опущены иногда изъ вниманія и статьи, напечатанныя въ нѣкоторыхъ *Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*. Что же касается второго момента, то въ общемъ онъ довольно скуденъ, что сознаетъ и самъ г. Тра-

винъ. Авторъ вообще слишкомъ объективенъ: рѣдко онъ высказываетъ свое собственное сужденіе о томъ или иномъ анализируемомъ изслѣдованіи, а всегда почти, гдѣ возможно, пользуется о немъ отзывами другихъ. Такой пріемъ автора вполне понятенъ и въ скудости его критицизма часто выразился только его хорошій тактъ. Однако, критическія замѣчанія настоятельно необходимы были тамъ, гдѣ авторъ встрѣчался съ двумя совершенно противоположными взглядами, а между тѣмъ въ сочиненіи дѣло ставится иногда такъ, какъ будто принимаются оба взаимно другъ друга исключаютія мнѣнія.

Сочиненіе написано по простому, совершенно естественному плану: въ первой главѣ имѣются въ виду изслѣдованія и статьи по изученію вообще богословія св. Павла; во второй главѣ анализируются труды, относящіеся къ изученію отдѣльных посланій Апостола языковъ; въ третьей главѣ разсматриваются экзегетическія работы, какъ древнія—переводныя, такъ и новѣйшія, касающіеся нѣсколькихъ посланій св. Павла. Сохраненіе изслѣдованій и статей излагается иногда кратко, иногда—болѣе пространно, но по большей части словами самихъ авторовъ. Характерные моменты статьи иногда опущены и вообще изложеніе часто страдаетъ блѣдностью. Въ языкѣ сочиненія есть также нѣкоторые недочеты.

Для степени кандидата сочиненіе можно признать удовлетворительнымъ“.

43) О сочиненіи студента Николая *Трогипольскаго* на тему: „Психологія епископа Немесія“.

а) И. д. доцента П. Кудрявцева:

„Задача трудовъ, подобныхъ разсматриваемому, обыкновенно полагается въ томъ, чтобы—съ одной стороны—систематизировать воззрѣнія изслѣдуемаго писателя по извѣстному предмету, съ другой—опредѣлить ихъ историческое положеніе и зна-

ченіе. Вторая задача по отношенію къ данной темѣ трудѣ первой: систематизація психологическихъ возрѣній Немесія значительно облегчается наличиемъ такихъ пособій, какъ монографіи von B. Domanski и г. Григорьева (авторъ самъ указываетъ эти пособія), да и самое сочиненіе Немесія „О природѣ чловѣка“ представляетъ собою опытъ систематическаго изложенія антропологіи. Иное дѣло—вторая задача: для ея строго-научнаго выполненія требуется широкое знакомство съ исторіей философіи и христіанскаго просвѣщенія, а также рядъ кропотливыхъ изслѣдованій для выясненія тѣхъ путей, какими взгляды и понятія языческой философіи приходили въ сознаніе и творенія христіанскихъ писателей. Авторъ разсматриваемаго сочиненія далъ ясное и отчетливое изложеніе психологіи Немесія; что же касается выясненія ея историческаго положенія и значенія, то мы находимъ въ сочиненіи рядъ хотя и бѣглыхъ, но все-таки вѣрныхъ и потому цѣнныхъ сопоставленій возрѣній Немесія съ возрѣніями его предшественниковъ. Не представляя собою новаго шага въ изученіи психологіи Немесія, сочиненіе г. Троепольскаго тѣмъ не менѣе въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ о его научно-литературной правоспособности“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова:

„Сочиненіе Н. Троепольскаго читается отъ начала и до конца съ неослабывающимъ интересомъ, такъ какъ въ немъ (сочиненіи) со значительнымъ успѣхомъ изслѣдуется весьма важный, но далеко еще не разъясненный вопросъ о созданіи древне-христіанской психологіи изъ элементовъ собственно христіанскихъ и языческо-философскихъ. Первый опытъ подобной обработки представлялъ, по словамъ г. Троепольскаго, Немесій, епископъ Эмесскій, въ сочиненіи „О природѣ чловѣка“. Въ своемъ изслѣдованіи этого творенія со стороны заключающагося

въ немъ психологическаго элемента авторъ доказываетъ, что у Немесія собственныхъ психологическихъ воззрѣній мало и что предложенныя имъ — психологическія данныя въ большей части заимствованы у языческихъ философовъ и въ меньшей — у церковныхъ писателей, выясняетъ источники психологіи названнаго Эмесскаго епископа, его отношеніе къ нимъ и способъ приспособленія взятыхъ у древнихъ философовъ психологическихъ воззрѣній къ христіанскимъ понятіямъ, и систематически излагаетъ психологію Немесія. Такова задача сочиненія; она выполнена авторомъ вообще удачно. Однако справедливость требуетъ сказать, что аргументація выставленныхъ г. Троепольскимъ тезисовъ иногда не отличается надлежащею полнотою и точностію, а иногда она прямо ошибочна и приводитъ автора къ неправильнымъ утвержденіямъ и сомнительнымъ выводамъ. Подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить слѣдующій примѣръ. Авторъ утверждаетъ (стр. 157), что до Немесія въ области психологіи „почти ничего не было сдѣлано“ церковными писателями и что поэтому онъ и ограничивается ссылками на немногихъ писателей — Оригена, Аполлинарія и Евномія. Но для рѣшенія вопроса о томъ, что до Немесія было сдѣлано церковными писателями по психологіи и не повторяетъ ли этотъ мужъ того, что уже вазодилось въ обращеніи въ церковной литературѣ, необходимо было точнѣе выяснить время происхожденія Немесіева сочиненія „О природѣ человѣка“, — чего авторъ не сдѣлалъ, ограничившись только замѣчаніемъ, что „выходъ въ свѣтъ“ сочиненія Немесія „относится ко времени 4-го вѣка“ (III) и не принявши при этомъ во вниманіе, что для защищаемаго имъ тезиса не безразлично, появилось ли сочиненіе Эмесскаго епископа въ началѣ, въ срединѣ или концѣ 4-го вѣка. Опъ справедливо замѣчаетъ, что на время появленія Немесіева творенія указываетъ находящееся въ немъ упоминаніе объ Аполлинаріи и Евноміи, но выводъ изъ этого упоминанія сдѣланъ неточный. Церковная полемика противъ Аполлинарія возникла и развивалась въ послѣднее 30-лѣтіе 4-го вѣка и далѣе;

мысль Немесія, что человекъ состоитъ только изъ тѣла и души, раскрыта Афанасіемъ Великимъ въ полемикѣ противъ Аполлѣнарія; еретикъ Евномій умеръ въ самомъ концѣ 4-го вѣка. Слѣдовательно, появленіе сочиненія Немесія съ большою вѣроятностію можетъ быть относимо къ концу 4-го и даже къ началу 5-го вѣка; а къ этому времени христіанская психологія была, какъ извѣстно и г. Тропольскому, уже достаточно разработана. Отсюда слѣдуетъ выводъ: мнѣніе автора, что до Немесія почти ничего не было сдѣлано по христіанской психологіи и что этотъ писатель только очень немногимъ могъ воспользоваться при составленіи своего сочиненія, должно считать недоказаннымъ. Но недостатки подобнаго рода рѣдко встрѣчаются въ сочиненіи г. Тропольскаго; большею же частию его сужденія и критическія замѣчанія утверждаются на достаточныхъ основаніяхъ. Къ достоинствамъ его сочиненія должно причислить знаніе ученой литературы, прямо или косвенно касающейся Немесія, и критическое отношеніе къ ней; языкъ сочиненія отличается добрыми литературными качествами. Вообще же сочиненіе студента Тропольскаго по содержанію, научной обработкѣ и литературнымъ качествамъ признаю очень хорошимъ“.

44) О сочиненіи студента Алексѣя *Чекановскаго* на тему: „Такъ называемое „кенотическое“ ученіе о лицѣ Іисуса Христа“.

а) И. д. доцента П. Кудрявцева:

„Новую богословско-догматическую теорію, разработанную протестантскими богословами второй половины 19-го вѣка („впервые начало прочному обоснованію и подробному систематическому изложенію кенотической теоріи положено было“ однимъ изъ сочиненій Томазіуса, появившимся въ 1845 году), автору нужно было не только уяснить, но и освѣтить съ точки

зрѣнія церковнаго ученія. Для выполненія этой задачи отъ автора требовалась способность овладѣвать чужою мыслию, выраженною на иностранномъ языкѣ, знакомство съ свято-отеческою письменностью, умѣнье пользоваться приемами научной экзегетики вмѣстѣ съ твердостью богословствующей мысли и строгостью и точностью языка. Всѣ эти качества обнаружены авторомъ какъ при изложеніи кенотическихъ теорій (во 2 и 3 главахъ; первая глава представляетъ собою краткій историческій очеркъ кенотическаго ученія до второй половины 19-го вѣка), такъ и при ихъ критической оцѣнкѣ съ точки зрѣнія церковнаго ученія. Въ послѣднемъ случаѣ можно бы пожелать отъ автора большей пытливости богословствующей мысли и большаго творчества, проявляющагося, при вѣрности церковному вѣросознанію, не въ перетолкованіи церковнаго ученія, какъ это произошло съ кенотиками, а въ болѣе глубокомъ проникновеніи въ жизненный смыслъ ученія, что дастъ возможность приблизить такое ученіе къ нашему жизненному пониманію. Между тѣмъ авторъ не столько выясняетъ, подъ руководствомъ отцевъ церкви, церковное ученіе о Лицѣ Іисуса Христа, сколько сводитъ воедино тѣ данныя, въ которыхъ выразилось церковное вѣросознаніе по этому пункту, такъ что, скажемъ, при уясненіи труднѣйшаго въ экзегетическомъ отношеніи и чрезвычайно важнаго въ догматическомъ мѣстѣ изъ Евангелія „о дни же томъ“... (Лук. 13, 32, ср. Мѣ. 24, 36) мы остаемся всецѣло при давнемъ положеніи, что при пониманіи этихъ словъ нужно становиться на домостроительственную точку зрѣнія. Впрочемъ, осторожность автора находитъ достаточное оправданіе въ крайности тѣхъ выводовъ, къ какимъ пришли кенотики при приближеніи „отъ вѣка утаенной тайны“ къ человѣческому пониманію, а потому и авторъ за свою осторожность заслуживаетъ, можетъ быть, не только упрека, сколько похвалы. Вообще онъ стоитъ на строго-церковной точкѣ зрѣнія: для него не существуетъ ученія Св. Писанія о Лицѣ Іисуса Христа—

съ одной стороны, ученія отцевъ церкви о томъ же предметѣ— съ другой: онъ знаетъ только ученіе церкви, которое и излагаетъ, пользуясь всѣми памятниками, въ которыхъ выразилось церковное вѣросознаніе (Св. Писаніе, соборныя вѣроопредѣленія, творенія отцевъ и учителей церкви, церковно-богослужебныя книги). Къ незауряднымъ достоинствомъ сочиненія нужно отнести и его языкъ, удачно совмѣщающій строй современной литературной рѣчи съ требующеюся отъ догматиста строгостью выраженія догматической мысли и съ церковнымъ колоритомъ, что достигается умѣлымъ введеніемъ въ рѣчь библейскихъ, свято-отеческихъ и церковно-богослужебныхъ реченій. Приятное впечатлѣніе производитъ и внѣшняя сторона сочиненія: имѣю въ виду точность цитаціи при экономіи мѣста, указаніе во введеніи плана сочиненія, приложенія къ сочиненію толково составленнаго оглавленія—конспекта.

Но всѣмъ этимъ даннымъ сочиненіе г. Чекановскаго слѣдуетъ отнести къ незауряднымъ кандидатскимъ диссертациямъ“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова:

„Кенотическое“ ученіе о лицѣ Иисуса Христа своею терминологіей обязано слову *κένωσις*, которое означаетъ лишеніе, умаленіе, уничиженіе (Фил. II, 7) и въ ученіи о Лицѣ Иисуса Христа указываетъ на особое, выдвинутое во второй половинѣ прошлаго вѣка протестантскимъ богословіемъ, направленіе, вводящее существенную перемѣну въ Сынѣ Божіемъ при Его воплощеніи, именно—самоотказъ, самоотреченіе отъ нѣкоторыхъ божественныхъ свойствъ, напр. божественной славы, всемогущества, всевѣдѣнія, вездѣсущія и проч.

Предмету своей темы авторъ посвящаетъ четыре главы сочиненія. Въ первой главѣ (стр. 1—51), подъ заглавіемъ

„Краткій историческій очеркъ кенотическаго ученія о Лицѣ Иисуса Христа“, указываются попытки протестантскихъ богослововъ отыскать зачатки кенотической христологіи въ твореніяхъ отцовъ и учителей церкви,—христологическія воззрѣнія Лютера и реформатовъ,—первые слѣды кенотизма въ протестантской богословской литературѣ,—труды Томазія, какъ первые опыты систематическаго изложенія кенотической христологіи, и важнѣйшіе труды послѣдующихъ кенотиковъ. Вторая глава (стр. 52—139) излагаетъ „кенотическое ученіе о вочеловѣченіи Сына Божія“, указывая утвержденіе существенной перемѣны въ Сынѣ Божіемъ при воплощеніи съ сохраненіемъ Его Божества, какъ основную мысль, характеризующую христіанское ученіе о кеносисѣ,—библейскія и спекулятивныя основанія этой мысли,—ученіе Томазія объ относительныхъ Божескихъ свойствахъ и депотенціаціи Логоса,—воззрѣнія двухъ типовъ дальнѣйшаго кенотизма—умѣреннаго и крайняго,—метаморфозу, происшедшую съ Сыномъ Божіимъ, какъ пунктъ относительно котораго согласны все кенотики. Третья глава (стр. 140—194), подъ заглавіемъ „Богочеловѣкъ Иисусъ Христосъ съ точки зрѣнія кенотической христологіи“, представляетъ объясненіе кенотиками историческаго образа Иисуса Христа—единого богочеловѣческаго я въ Иисусѣ Христѣ, образующагося изъ органическаго единенія двухъ природъ,—Его единой богочеловѣческой жизни, съ физическимъ, интеллектуальнымъ и моральнымъ развитіемъ, и особенностей Его прославленнаго состоянія; въ концѣ главы указываются выводы изъ изложеннаго кенотическаго ученія о Божествѣ, человечествѣ и единствѣ лица Иисуса Христа. Четвертая глава (стр. 195—318) посвящена критическому разбору кенотическаго ученія, въ частности предлагаетъ пониманіе подлиннаго евангельскаго образа Иисуса Христа, какъ критерій для оцѣнки кенотической христологіи,—подробный разборъ библейскихъ и спекулятивныхъ основаній кенотической христологіи и общую оцѣнку кенотическаго ученія

о лицѣ Иисуса Христа съ православной церковно-догматической точки зрѣнія. Сочиненіе заканчивается краткимъ заключеніемъ, въ которомъ дается общая научно-богословская оцѣнка кенотического направленія въ протестантскомъ богословіи.

Сочиненіе автора посвящено раскрытію одной изъ труднѣйшихъ богословско-догматическихъ темъ и разрѣшаетъ ее совершенно правильно, полно и всесторонне. Въ исторіи кенотического ученія онъ не опускаетъ ни одного изъ главныхъ и второстепенныхъ ея моментовъ, кромѣ развѣ только воззрѣній французскаго кенотика Бовифа, не представляющихъ, впрочемъ, чего-либо существенно отличнаго отъ воззрѣній нѣмецкихъ кенотиковъ. Равно и въ изложеніи кенотического ученія онъ касается всѣхъ главныхъ пунктовъ его содержанія, библейской и спекулятивной его аргументаціи. Критическій разборъ обнимаетъ всѣ стороны изложеннаго ученія, сдѣлавъ на основѣ православно-догматическаго ученія, святоотеческаго толкованія текстовъ, на которые ссылаются кенотики, и правильной философской критики спекулятивныхъ основаній. Сочиненіе говоритъ о зрѣлости богословско-философскаго мышленія автора, твердости его православной точки зрѣнія, чуткости и тонкости критическаго отношенія къ критикуемой матеріи. Со стороны изложенія оно удовлетворяетъ всѣмъ самымъ взыскательнымъ требованіямъ логики и стилистики. Вообще, съ своей стороны, я признаю трудъ автора выдающимся по своимъ ученымъ и литературнымъ качествамъ“.

45) О сочиненіи трудента Григорія Чиннова на тему:
„Библейское и святоотеческое ученіе о постѣ“.

а) Доцента В. Экземлярскаго:

„Сочиненіе г. Чиннова состоитъ изъ трехъ главъ изслѣдованія, которымъ предшествуютъ краткія предисловіе и введение.

Въ первомъ авторъ опредѣляетъ задачу своего труда и указываетъ источники и пособія для послѣдняго; во введеніи говоритъ о „древности поста“ и о постѣ въ нѣкоторыхъ языческихъ дохристіанскихъ религіяхъ. Въ главѣ первой г. Чинновъ излагаетъ ветхозавѣтное ученіе о постѣ: о томъ значеніи, какое ему усвоилось въ Ветхомъ Завѣтѣ, о степени воздержанія во время поста ветхозавѣтнаго вѣрующаго и о необходимой связи поста тѣлеснаго и духовнаго по пророческому ученію. Во второй главѣ излагается откровенное новозавѣтное ученіе о постѣ, его значенія и сущности, при чемъ въ виду положенія даннаго вопроса въ нашей богословской литературѣ, авторъ вполне основательно сообщалъ изложенію этой главы апологетическій характеръ. Въ главѣ третьей авторъ излагаетъ святоотеческое ученіе о постѣ въ систематическомъ порядкѣ. Сначала онъ излагаетъ святоотеческое ученіе о сущности христіанскаго поста: о качественной его сторонѣ, количественной или мѣрѣ поста, и времени поста и, наконецъ, о неразрывной связи, по воззрѣнію св. отцовъ, поста тѣлеснаго и духовнаго, съ болѣе подробнымъ выясненіемъ понятія поста духовнаго. Во второмъ отдѣлѣ третьей главы авторъ говоритъ о значеніи поста въ жизни христіанина и христіанской церкви по ученію св. отцовъ. Ученія богослужебныхъ книгъ въ этой главѣ авторъ не излагаетъ подробно, ссылаясь на недавній трудъ профессора А. А. Дмитриевского „Тріодъ постная, какъ училище благочестія“. Въ заключеніи авторъ сопоставляетъ кратко ученіе о постѣ Ветхаго Завѣта, новозавѣтнаго Откровенія св. отцовъ. Какъ видно изъ изложеннаго содержанія, сочиненіе г. Чиннова написано по широкому плану, который обнимаетъ вопросъ всесторонне. Такая всеобъемлемость воззрѣнія на предметъ необходимо, конечно, отражается нѣсколько неблагоприятно на раскрытіи частныхъ чертъ въ ученіи о постѣ, такъ какъ авторъ, въ силу самой широты своей задачи, не имѣлъ возможности останавливаться подробно на отдѣльныхъ сторонахъ библейскаго и свято-